

Джоанна Кингсли

Драгоценности

1990

Кингсли Д.

Драгоценности / Д. Кингсли — 1990

Драгоценности слепят глаза... Драгоценности становятся мечтой – и мотивами преступлений. И нет власти, способной сравниться с властью хищного, предательского, смертельного блеска драгоценных камней. Драгоценности – рок и судьба многочисленного клана ювелиров. Клана, в котором мужчины до конца бьются за принадлежащее им. А женщины? Женщины сражаются тоже. Но оружие их – иное. Не только ум и бесстрашие, не только цинизм и предательство, но – красота, секс и даже Любовь. Ибо нет и не будет на свете цены, которую не заплатили бы за сверкание ДРАГОЦЕННОСТЕЙ.

Содержание

ПРОЛОГ	6
Книга первая	9
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	49
Глава 7	56
Книга вторая	63
Глава 1	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джоанна Кингсли

Драгоценности

УДК 821.111(73) ББК 84 (7США) К41

Серия основана в-2001 году

Johanna Kingsley

TREASURES

1990

Перевод с английского А.Е. Когана, И.С. Лебедевой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Peter Lampack, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.08.2001.

Формат 70х100'/з2. Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. псч. л. 10, 32. Тираж 11 000 экз. Заказ 2550.

Кингсли Д. К41 Драгоценности. Роман. В 2 кн. Кн. 1 / Д. Кингсли; Пер. с англ. А.Е. Когана, И.С. Лебедевой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. —252, 4 с. —(Женщины и мужчины).

ISBN 5-17-008560-5 (Кн. 1) ISBN 5-17-008931-7

УДК 821.111(73) ББК R4 (7США)

© Johanna Kingsley, 1*Л»

© Перевод. А.Е. Коган, И.С. Лебедева, 2001

© ООО «Издательство АСТ», 2001

ПРОЛОГ

Петра д'Анжели снова вытянула руку и посмотрела на кольцо с бриллиантом. В комнате было довольно темно, но камень, поглощая слабый свет прикроватной лампы, искрился огненно-яркими лучами.

Петра видела множество бриллиантов, но этот имел для нее особое значение, ибо выражал желание мужчины заключить с ней союз на всю жизнь.

Готова ли она к такому союзу?

В тонкой как паутинка ночной сорочке Пет д'Анжели вышла на огромный балкон пентхауса и взглядела в бархатную темноту Центрального парка, обрамленного огнями редких фонарей.

Подумав о том, отражает ли бриллиант и лунный свет, она опять взглянула на кольцо.

В этот момент тишину ночи прорезал громкий, резкий металлический звук сигнала тревоги. Пет вбежала в комнату и бросилась к телефону. И тут же на пороге появилась ее экономка Мэдди.

– О Господи, мисс! Неужели это из магазина?

Магазин был открыт больше года назад, но за это время прямой сигнал тревоги сработал впервые.

– Да, наверное, кто-то забрался туда. Но не тревожься, Мэдди, полиция скоро приедет. – Пет ободряюще улыбнулась. – А сейчас приготовь кофе – мне надо подкрепить силы.

Необходимость действовать успокоила Мэдди, и она устремилась на кухню. Пет нажала красную кнопку на телефонном аппарате, и сигнал тревоги оборвался. Нажав кнопку прямой линии с магазином, она услышала частые гудки. Оттуда, видимо, пытались дозвониться. Решив не набирать городской номер, Пет начала торопливо одеваться.

Приготовленная на завтрашний день одежда уже лежала на кресле: юбка, блузка и нижнее белье.

Надев туфли из крокодиловой кожи, она застегнула зеленую шелковую блузку.

Пет укладывала тяжелые темные волосы, когда позвонил телефон. Быстро закрепив прическу двумя серебряными гребнями, она подняла трубку.

– Пет, это Джим Бэйтман. Просто знай, что я на месте. Копы тоже уже работают, – сообщил начальник охраны.

– Хорошо. Я скоро приду. Что-нибудь серьезное, Джим?

– Это грабеж, Пет, все довольно скверно. Пока я не могу проверить, что именно пропало, но, похоже, самого ценного не тронули.

Пет со вздохом повесила трубку. Поскольку на косметику не оставалось времени, она слегка подкрасила губы и выбежала из комнаты.

Мэдди догнала ее у лифта с чашкой дымящегося кофе, и Пет с благодарностью выпила его.

– Если кто-нибудь позвонит, Мэдди, не говори, где я. – Пет вошла в лифт. – Кто бы ни был – репортеры, страховщики. Я не хочу лишней паники вокруг магазина.

– Все поняла, мисс.

Отдав экономке чашку, Пет кивнула лифтеру. Лифт поехал вниз.

За восемь кварталов от Пятой авеню полицейские поставили свои машины вокруг входа в «Тезори-Йорк», самого нового и большого магазина в сети «Тезори» по всему миру. Фирма начинала деятельность в Лугано, итальянском районе Швейцарии, и от тех времен в названии сохранилось итальянское слово, обозначающее драгоценности. Целых двадцать лет «Тезори» открывал филиалы во всех столицах Европы. Совсем недавно фирма расширилась: магазины появились в Каракасе и Рио, Токио и, наконец, в США. Филиал в Нью-Йорке хоть и распола-

гался на Пятой авеню рядом с такими монстрами, как «Гарри Уинстон», «Картье», «Булгари», «Тиффани» и «Дюфор и Иверес», но был куда скромнее их.

Тем не менее этот магазин, основанный и возглавляемый Петрой д'Анжели, привлекал не меньше покупателей – богачей, проявивших огромный интерес к самым дорогим камням и оригинальному дизайну, особенно если им занималась сама владелица. Фактически нью-йоркский «Тезори» считался флагманом всей фирмы.

Пет добежала до магазина за пять минут.

– Сюда, Пет! – крикнул Джим Бэйтман, широкоплечий мужчина с тонкими светлыми усами, окруженный множеством людей, которые о чем-то говорили, что-то записывали в блокнотах, внимательно осматривали тротуар.

Пет оглядела витрины. Толстое армированное стекло, отполированное как ювелирное украшение, не повредили. За ним в свете фар полицейских машин сверкали драгоценные камни, беспорядочно разбросанные по витрине. Днем здесь лежали настоящие драгоценности, стоившие миллионы долларов, а ночью уникальные камни заменялись ограненными стекляшками. Бэйтман советовал убирать на ночь даже их, чтобы не искушать мелких воришек, не отличавших бриллиантов от стекла.

– Похитители драгоценностей – опытные, – возразила тогда Пет. – Тот, кто взламывает армированное стекло, отличит настоящие ценности от подделок. Зато, оставив красивые стеклышки, мы привлечем женщин, прогуливающих здесь по ночам, и утром они пошлют своих поклонников именно в наш магазин.

Джим Бэйтман уступил. Да и кто бы мог сказать, какая из идей Пет подойдет для «Тезори», имеющего самую высокую прибыль на квадратный фут среди всех ювелирных магазинов мира? Трудно спорить с успехом.

Пет подошла к начальнику охраны.

– Доброе утро, мистер Бэйтман. – Она держалась со служащими очень дружелюбно, считая, что в коллективе должна царить атмосфера доброжелательности.

– Не такое уж и доброе, – обронил Бэйтман.

– Вы уже знаете, что именно пропало? У вас довольно мрачный вид, хотя голос по телефону звучал не так уныло.

– Похоже, главной проблемой будет уборка. Вот, взгляните. – Легонько взяв Пет за руку, он провел ее через главный вход в магазин.

Она увидела ужасающий беспорядок. Большая часть прилавков была разбита, бриллиантовые кольца валялись на гранитном полу, а изумрудные браслеты и рубиновые ожерелья – поверх витрин. Длинная уникальная двойная нить черного жемчуга змеилась по креслу для посетителей, свисая вниз.

От этого хаоса Пет пришла в ярость. Какое варварство! Она потянулась к бриллиантовой брошке, лежащей на полу, но Джим остановил ее.

– Ничего не трогайте, Пет. Сначала все должны сфотографировать и снять отпечатки пальцев.

– Конечно. Тем не менее я хочу знать, сколько мы потеряли.

– Точно не определим, пока не наведем порядок и не сделаем ревизию, но, судя по предварительным оценкам, очень мало. Во всяком случае, ничего особенно ценного.

Крепкий мужчина в кричащем клетчатом пиджаке подошел к Пет и протянул ей руку:

– Мисс д'Анжели, капитан Дэйв Петроселли. Я...

– Знаю, капитан, – перебила его Пет. Даже если бы она не заметила полицейского значка, приколотого к нагрудному карману пиджака, то узнала бы его по имени. Специалист по кражам, преимущественно по драгоценностям, редкому антиквариату и художественным полотнам, капитан Петроселли был живой легендой. – Рада, что вы взялись за это дело.

– Места вроде «Тезори» всегда достаются мне. – Он огляделся. – Кажется, вы чертовски легко отделались. Обычно воришки приходят за камешками средних размеров, надеясь сбыть их по хорошей цене, или за украшениями, которые можно сломать и продать по частям. Мистер Бэйтман говорит, что крупные вещи, которые хранились в сейфах, не тронуты, и мелкие с витрин – тоже. Значит, приходили за чем-то еще.

Бэйтман взглянул на Петроселли.

– Даже рабочая комната, где мы держим большую часть новых камней, в целости и сохранности.

Пет, недоуменно покачав головой, огляделась.

– Не понимаю, ради чего лезть в магазин, если ничего не нужно?

– Я не говорил слово «ничего», – заметил детектив. – Возможно, беспорядок устроен для того, чтобы сбить нас со следа. Или ввести в заблуждение насчет вещи, которую они действительно хотели взять.

– И что же это?..

– Я только предполагаю, – перебил ее Петроселли. – Думаю, тот, кто пришел сюда, искал какую-то конкретную вещь. Вероятно, забрался кто-то из своих и заранее знал, что ищет. У вас есть что-то, мисс д'Анжели, о чем знают лишь несколько человек?..

– Бог мой! – ахнула Пет и кинулась к лестнице, ведущей в кабинеты на втором этаже.

Добежав до своего кабинета, она толкнула незапертую дверь и включила свет. Ее личный сейф с широко открытой дверцей был пуст. Драгоценности исчезли.

Пет упала на колени перед сейфом. Слезы злости, досады и разочарования хлынули из ее глаз. Она уронила голову на сжатые кулаки, и они сразу увлажнились слезами.

Но едва взгляд Пет скользнул по бриллианту на пальце, ход ее мыслей изменился. Стоит ли бороться за старые мечты? Одной драгоценности уже нет, но другая могла бы занять ее место.

Нет! Ради всего святого, ей надо иметь именно ту. Без той давняя тайна никогда не будет разгадана. Справедливость не восторжествует.

Пет придется ответить на вопросы прошлого, прежде чем войти в будущее.

Книга первая

ОПРАВЫ

Глава 1

Тоскана, 1938 год

Драгоценности сверкали на атласных подушечках, разложенных на кровати. Ожерелья, браслеты, диадемы, кольца. Впервые за много лет перед ней лежала вся коллекция целиком. Она намеревалась не любоваться своими сокровищами, а только проверить их. Здесь было более ста украшений, но она знала их наизусть.

Ведь каждый предмет был не просто ценностью, а выражением преданности определенного мужчины.

Протянув руку, она взяла длинное ожерелье из больших изумрудов, надела его и подошла к зеркалу – одному из многих, висевших на стенах богато обставленной спальни. Она никогда не боялась зеркал, и даже сейчас, на седьмом десятке, видела перед собой женщину изумительной красоты, выглядевшую на двадцать лет моложе своего возраста. Она великолепно сохранилась, потому что была всегда любима и окружена восторженными и почитающими ее поклонниками в течение долгих-долгих лет...

Ах изумруды! Они пробуждали воспоминания так же легко, как отражали свет. Это ожерелье ей подарил принц во время последнего свидания перед его свадьбой с герцогиней. Только зеленое, сказал он тогда, подходит к сапфировым глазам и оттеняет иссиня-черный цвет волос любимой.

Но это было так давно... во времена принцев. В последние годы власть и сила оказались в руках жестоких мужчин с плохими манерами, мечтающих не о завоевании прекрасной дамы, а о порабощении и уничтожении целых наций.

Вернувшись к кровати, она собрала драгоценности и разложила их в отдельные ящички. Спрятав все в специальный стенной сейф, женщина присела у туалетного столика.

На нем одиноко стояла нефритовая коробочка около шести дюймов длиной – весьма ценная, но не сравнимая с тем, что находилось внутри.

Открыв коробочку, женщина подняла с розового шелка самое крупное из своих сокровищ, единственное в мире и баснословно дорогое. Эта фигурка женщины около пяти дюймов в высоту не уступала по мастерству исполнения ни одному из королевских пасхальных яиц Фаберже. Голова была сделана из золота, глаза из сапфиров, плечи из цельной жемчужины причудливой формы. Рубин в виде сердца образовывал лиф платья, бриллианты и изумруды покрывали юбку так, что казалось, будто женщина кружится в танце. Из-под платья выглядывали туфельки из блестящего черного жемчуга.

Она любовалась подарком, полученным в тот самый год, когда над миром нависла угроза большой войны. Женщина поежилась от неприятных воспоминаний. Сейчас политическая ситуация вроде бы повторяется, и, по странному совпадению, фигурке снова предстоит перейти в другие руки.

Перейти... хотя в несколько иной форме. Сжав верхнюю часть драгоценного изделия в одной руке, а нижнюю в другой, женщина осторожно повернула фигурку, и та разделилась на две половинки. В воздухе поплыл слабый аромат духов, источаемый золотым парфюмерным флакончиком.

Взвешивая в руках обе половинки, женщина вновь задумалась над решением, принятым ею сегодня. Она вспомнила историю о том, как царь Соломон рассудил двух женщин, претенду-

ющих на одного ребенка. «Сделаем так, – предложил царь. – Пусть ребенка разрубят пополам, и каждой достанется по половине». Когда одна из женщин закричала, чтобы ребенка отдали другой, но только живого и невредимого, Соломон понял, что именно она – настоящая мать.

Сейчас ничто не мешало женщине разделить фигурку. Однако отдать бутылочку означало для нее своего рода смерть. Она не только лишится драгоценности, но будет вынуждена раскрыть важные и давно скрываемые секреты.

Но разве она имеет выбор? Мир изменился, и ей придется изменить свою жизнь.

Глава 2

Милан, 1938 год

«Дуче в Милане!»

Пошел дождь, и тушь на поспешно отпечатанном плакате потекла черными слезами, однако в вечернем свете можно было разглядеть надпись и портрет. Листовки и памфлеты летали над площадью и, намокая от дождя, падали под ноги митингующим.

Стефано д'Анжели стоял у окна в своем кабинете, глядя на старые камни кафедральной площади, сейчас почти опустевшей. Он видел лишь торопливо перемещающиеся черные зонтики, а под ними – быстро мелькающие ноги.

Все вокруг было мокрым – розоватые мраморные статуи, горгульи – выступающие водосточные трубы в виде мифологических фигур, остроконечные башенки кафедрального собора. Даже маленькая позолоченная Мадонна на вершине самого высокого шпиля блестела от влаги, будто оплакивая то, что произошло несколько часов назад.

Весь день толпа на площади кричала: «Да здравствует дуче!» Мелодия «Giovinezza», фашистского гимна, проникала в кабинет Стефано сквозь закрытые окна, мешая работать. Труднее всего было сознавать, что с этими поющими дураками и его брат.

Стефано вернулся к столу, пригладил густые блестящие черные волосы и взял документ, который пытался закончить весь день. Как скверно, что он, ученик адвоката, не способен сосредоточиться из-за орущих на улице людей! Впрочем, работа вгоняла его в тоску даже в лучшие времена. Ему двадцать четыре года. Неужели он проведет жизнь, бесконечную череду дней, в кабинетах и судах? Стефан предпочел бы расположиться под деревом у реки, писать стихи, читать Данте или, сидя за столиком в кафе на виа Верди, говорить с друзьями о живописи и литературе.

– Тебе пора ехать, – сказал Карло Бранкузи, войдя в комнату.

– Я не закончил с бумагами.

– Это может подождать. У тебя впереди долгая дорога, а еще, учти, дождь... – Своим чеканным профилем Бранкузи, руководитель юридической фирмы, напоминал римского императора. Аристократический крупный нос, каштановые, чуть тронутые сединой на висках волосы, густые брови над темно-кариими глазами. Лицо, внушавшее доверие.

– Неужели так необходимо, чтобы Витторио ехал со мной? – спросил Стефано. – После сегодняшнего... ну, вы знаете, какой он патриот. Наверняка кричал до хрипоты, стоя во главе этого сброда, а мне придется слушать всю ночь в машине, как он восхваляет дуче. Порой у меня возникает мысль, что одного из нас подменили в родильном доме. Не верится, что мы действительно братья.

Синьор Бранкузи улыбнулся и положил руку на плечо Стефано.

– Стефано, нынешние времена требуют от нас терпения, в частности по отношению к твоему брату. Клиент дал мне инструкции, от которых нельзя отклоняться. Вы оба должны поехать, и вашего прибытия ожидают не позднее полуночи.

– Не уверен, что останусь жив, проведя несколько часов в его обществе, – засмеялся Стефано, вставая. – Как шофер он тоже внушает мне серьезные опасения. Но для тебя, Карло, я готов рискнуть.

– Для моего клиента. Она необыкновенная женщина. Ты не пожалеешь, что встретился с ней.

– Ладно, Карло, ради нее.

Мужчины подошли к двери, и Бранкузи помог Стефано одеться. Они прощались как отец и сын, если не по крови, то по духу. Бранкузи был не только начальником Стефано, но заботился о нем и Витторио с тех пор, когда они были детьми. Их родители, друзья Бранкузи,

погибли на железнодорожном вокзале от взрыва бомбы анархистов – кстати, дуче, возглавивший чернорубашечников, пришел к власти, пообещав уничтожить терроризм.

Уже темнело, когда Стефано вышел на площадь. Он поднял воротник, застегнул пальто и засунул руки в карманы. Холод пронизывал его. Листовки, оставшиеся на площади после фашистского митинга, прилипали к подошвам. Они валялись повсюду.

Со стен смотрело рябое от дождя, воинственное лицо Муссолини. «Завоеватель Эфиопии», «Спаситель Италии» – кричали заголовки. «Смешно», – подумал Стефано, возмущенный назойливой, агрессивной пропагандой. В хмуром лице с суровыми чертами не было ничего от спасителя. Только жестокость.

Что заставляет его брата подчиняться этому человеку, верить, что он, как сказал недавно Витторио, стал «новым Цезарем»? Стефано считал, что жирный самодовольный Бенито – самый обычный негодяй, умеющий манипулировать патриотическими чувствами. Муссолини убежден, что если показать людям хорошее шоу и позволить набить живот, они забудут о совести и о том, какова истинная цена его фиглярства. «Цезарь, – подумал Стефано, – тоже знал эту формулу – побольше хлеба и зрелищ. Видимо, дуче намерен объединить свои силы с фюрером. Вот это будет представление – настоящий цирк. Да эти злобные шуты изнасилуют Европу, лишь бы удовлетворить свою страсть к власти. Даже не помилуют красавицу Италию».

И Витторио с радостью поможет им. Он очень заботился о своей политической карьере, втираясь в партийную верхушку и при каждом удобном случае воспроизводя ее лозунги. Витторио говорил, что «естественное объединение двух великих лидеров» откроет новую эру, очистит Европу от «отсталых элементов», в которые входили поэзия, культура, чудесная итальянская *dolce vita* – короче, все, ради чего жил Стефано.

Дойдя до северной стороны площади, он услышал тихий голос:

– Привет, дорогой.

– Привет, красавица, – добродушно отозвался Стефано и, улыбнувшись проститутке, продолжил свой путь. Милан полон блудницами, но эти честные шлюхи работали за еду и одежду для того, чтобы выжить. Витторио гораздо хуже любой гулящей девки. Он с радостью продавался за подачки фашистов, думал только о своей выгоде и мечтал о богатстве.

Стефано прошел под большой аркой перед входом в известнейшую миланскую торговую галерею «Galleria». Слабый вечерний свет, проникая сквозь высокую застекленную куполообразную крышу, смешивался с ярким электрическим освещением шарообразных люстр. Несколько раз Стефано встречал знакомых и слегка касался шляпы. Миланцы называли галерею «il salotto» – жилая комната. Здесь назначали свидания друзья. Покупатели переходили из магазина в магазин. Две матроны, направляясь к «Савиньи», где когда-то ужинали Верди и Пуччини, спорили о новом теноре в «Ла Скала». В маленьком ресторанчике «Биффи» двое влюбленных смотрели друг на друга через стол, покрытый камчатным полотном, а между ними стояли нетронутые бокалы с аперитивом. Улыбаясь, Стефано прошел сквозь галерею. Как он любил Милан! Но оправится ли город после правления дуче?

В конце длинной галереи Стефано повернул к двери одного из самых дорогих в Милане магазинов, где торговали бумагой и изделиями из кожи. До последнего времени он принадлежал богатому еврейскому торговцу, предки которого владели им уже в трех поколениях. Несколько месяцев назад еврея «убедили» эмигрировать в Южную Америку, взяв с собой только членов семьи. Благодаря партийным связям Витторио завладел магазином и всем его имуществом за ничтожную часть реальной стоимости.

Витторио д'Анжели стоял за прилавком, проверяя grossesбух. Он отличался от брата как ночь от дня. И не только в политических убеждениях. Стройный Стефано двигался с природной грацией, а крупный и дородный Витторио постоянно на все натывался, будто был не в ладах с окружающим миром. Витторио, светлый шатен, почти блондин, с карими глазами, походил на брата, но его черты были грубее и не блистали красотой.

Как только вошел Стефано, он оторвался от гроссбуха.

– Я ждал тебя в шесть. – Витторио вынул из кармана золотые часы. – Как обычно, ты опоздал.

Стефано подошел к прилавку.

– Прости меня, брат, – ответил он с преувеличенной любезностью. – Я немного задержался, чтобы подышать сырым воздухом и улыбнуться хорошенькой девушке.

Витторио с силой захлопнул гроссбух и прошелся по магазину, проверяя, закрыты ли витрины с красивыми кошельками и портфелями, аккуратно ли разложена дорогая плотная бумага на полках, все ли готово для завтрашней торговли.

– Вероятнее всего, бездельничал в кафе, марая бумагу тем бредом, который ты называешь поэзией. Больше всего ты любишь предаваться мечтам. Если бы я хуже тебя знал, Стефано, то решил бы, что тебя родила ленивая римлянка. Но здесь Милан. В Милане надо работать. У нас много дел.

– Ну, когда-нибудь твой восхитительный Бенито найдет способ заставить людей придерживаться жесткого расписания, как он сделал это с поездами. Но пока время дисциплинированных болванов не наступило, я буду наслаждаться свободой.

Витторио в негодовании уставился на него, и Стефано уже приготовился выслушать речь в защиту дуче. Однако Витторио выбрал другую линию наступления.

– Мой Бог, да мне стыдно ехать с тобой. Что скажут люди, увидев тебя? Волосы нестрижены, лицо немыто, галстук перекосялся, ботинки нечищены. Выглядишь как цыган.

Конечно же, Витторио и в этом был полной противоположностью брату. Всего четырьмя годами старше Стефано, он тем не менее держался гораздо самоувереннее и давно одевался с шиком, как солидный банкир. Белые рубашки от Труззи, черные, начищенные до зеркального блеска ботинки от ди Баллини, серый саржевый костюм, изысканно сшитый на заказ, изящно завязанный шелковый фуляр цвета бургундского вина.

– Но даже если бы мне не претило разгуливать с цыганами, – продолжал Витторио, выключая в магазине свет, – не понимаю, почему я должен участвовать в твоих делах.

– Мы отправимся не ради меня, а ради Карло.

– Все равно, я не обязан ночью проехать половину Италии только для того, чтобы посетить одного из его дурацких клиентов. Ты же его ученик, не я.

– Но мы оба в долгу у него. Без него мы...

– Да, да, мы бы оказались в сиротском приюте. Я что, должен выслушивать эту душеспитательную историю еще раз? Сейчас я сам могу о себе позаботиться. И не собираюсь с благодарностью целовать ему руки до конца жизни. – Осталась зажженной только одна лампа, около двери. Витторио подошел к вешалке, чтобы взять пальто. – Сегодня вечером секретарь местного отделения партии пригласил меня в «Ла Скала». Это чертовски хороший повод отказаться от твоей затеи.

Стефано с изумлением посмотрел на брата. Почему он такой бесчувственный? Наверняка именно это качество особенно ценят в его партии.

– Дело в том, что у тебя есть машина. К тому же клиент специально просил, чтобы мы приехали вдвоем. – Стефано едва скрывал раздражение.

– Да? Интересно. Кто же он?

– Это женщина. Она сказала Карло, что ей нужно перевести какие-то ценности.

В глазах Витторио вспыхнуло любопытство.

– Ага, понимаю. Какая-нибудь *contessa*? Теперь ясно, почему ей понадобился для этой миссии надежный человек. Она вряд ли решится доверить свои ценности такому старьевщику, как ты. – Он натянул кожаные перчатки, сдул невидимую пушинку со шляпы, надел ее и взял из стойки зонтик. – Ну, тогда пойдем. Ты уже и так задержал меня. – Витторио открыл дверь, пропустил Стефано вперед и запер магазин.

Братья шли через галерею под внимательными взглядами нескольких пар женских глаз. Но внимание Роз, Джин и Франчесок, сидящих без дела в кафе, привлекал вовсе не Витторио, а Стефано, с его шелковистыми волосами, с голубыми, как океан, глазами и с грацией танцовщика. Как бы он ни был одет, в нем ощущалась врожденная элегантность, манера держаться свидетельствовала о чувственности, а улыбка намекала на возможные удовольствия.

Братья вышли на площадь, и Витторио указал кончиком зонта на противоположную сторону, где была припаркована его машина. Затем раскрыл зонтик и решительно зашагал под морозящим дождем, который сейчас смешался с тяжелым туманом, так часто затягивающим Милан.

– Тебе следовало бы прийти на митинг, – отрывисто бросил Витторио. – Тысячи... десятки тысяч лояльных граждан собрались, чтобы приветствовать дуче.

– Я слышал их. И вижу беспорядок, который они оставили после себя. Кому-то придется все это вычищать. – Стефано кивнул на промокший портрет героя Витторио. – Любопытно, кто ликвидирует беспорядок после него самого?

– Следи за своими словами, Стефано. Тебе давно следовало бы понять, что будущее каждого человека в Италии определяется его положением в партии.

– Я предпочел бы занять положение прямо позади его высокомерной светлости, чтобы половчее дать ему пинок в толстый зад.

– Стефано! – Витторио огляделся, желая удостовериться, что рядом никого нет. – Я не хочу больше слышать ничего подобного. Советую тебе поостеречься и не вести разговоров в таком духе. Да, у меня есть кое-какое влияние, и если все пойдет так, как я надеюсь, вскоре буду иметь еще большее. Но мне не удастся всегда защищать тебя.

– Я не нуждаюсь в твоей дурацкой защите.

– Полагаю, когда наши танки выйдут на дороги Италии, ты просто скажешь: «Не беспокойте меня, я читаю сонеты»? – Витторио фыркнул. – Конечно, ты не сомневаешься, что мне придется защищать тебя в любом случае, поскольку мы – родственники.

Стефано криво улыбнулся. Родственники, а не братья. Похоже, Витторио готовится к тому дню, когда будет разумнее вовсе не признавать его братом.

– Не беспокойся, брат. – Стефано сделал ударение на последнем слове. – Мне не понадобится твое покровительство. Если начнется война, ты будешь слишком занят тем, чтобы защитить себя.

Витторио возмущенно схватил брата за рукав, но тот не остановился.

– Послушай меня, Стефано, они уже составляют списки тех, кому нельзя доверять, людей, чье предательство или трусость могут помешать нашим мечтам о новой империи. Я не хочу, чтобы твое имя внесли туда.

– Ты беспокоишься обо мне или о себе?

– Это будет плохо для нас обоих, – замявшись, ответил Витторио.

– Учту, – пообещал Стефано.

Они дошли до маленького «фиата», и через несколько минут машина, выехав из центра города, направилась в сторону Флоренции.

В дороге братья молчали. Стефано не нравилось спорить с Витторио, а в последнее время они только этим и занимались. Лучше уж ничего не говорить. Дождь усиливался, гипнотически шелестели стеклоочистители. Стефано задремал, когда они проезжали Ломбардию, и проснулся уже возле холмов Тосканы.

Ребенком он проводил лето в Тоскане на летней вилле Карло. В окружении темно-коричневых холмов Стефано всегда чувствовал себя как дома, словно был отсюда родом. Сейчас, в темноте и под дождем, непрерывно стучащим по ветровому стеклу, он не видел кипарисов, оливковых рощ, виноградников, раскинувшихся на склонах холмов... но ощущал их. Тоскана, сладкая, как виноград в жбанах, пикантная, как оливки после первой прессовки, дающие жир-

ное чистое масло. Эта земля подарила миру Данте и Петрарку, Леонардо и Микеланджело. Возможно, именно поэтому Стефано было так хорошо здесь.

Увидев на дорожном знаке, что до Флоренции осталось десять километров, Стефано достал из кармана конверт от Бранкузи с инструкцией и картой, нарисованной клиентом.

Стефано смотрел на карту и указывал Витторио направление к поместью, расположенному среди холмов на окраине Фьезоле. Дождь начал стихать, и через двадцать минут братья подъехали к длинной кипарисовой аллее. На мраморном пьедестале было высечено название поместья. Когда они развернулись, фары высветили выгравированные буквы: «Ла Тана». «Милое название, – подумал Стефано, – „Гнездо“».

Витторио нажал на тормоза так сильно, что машину занесло на влажном гравии. Стефано схватился за приборную доску.

– Какого черта?.. – вскрикнул он, взглянув на брата.

– Ты не сказал мне, что мы едем в «Ла Тана», – недовольно пробормотал Витторио.

– Ну и что?

– Неужели ты так наивен, Стефано? Разве не знаешь, кто здесь живет?

– Карло сказал, что это интересная женщина и нам доставит удовольствие знакомство с ней.

– Удовольствие, вот именно! Если она сделает для нас то, что уже делала для половины богатых мужчин Европы... – Стефано удивленно посмотрел на брата. – Значит... Карло не рассказал тебе об этой женщине, хозяйке «Ла Тана»?

– Нет...

– Ты никогда не слышал о Ла Коломбе?

Стефано начал что-то припоминать. «Голубка». Да, конечно, он что-то слышал о Ла Коломбе – или читал о ней. Эта легендарная женщина была в свое время самой известной куртизанкой. Она никогда не состояла в браке, но ее расположения добивались великие мужи всего мира: аристократы, политики, художники, известные оперные певцы... Рассказывали, будто даже король Виктор Эммануил в юности любил ее. Судя по слухам, Ла Коломба была предана каждому из них, но только год или два. Многочисленные связи и щедрые подарки поклонников, восхищенных ее красотой, сделали Ла Коломбу очень богатой женщиной.

Витторио дал задний ход.

– В чем дело? – спросил Стефано.

– Неужели ты всерьез думаешь, что я войду в дом самой известной в Европе старой шлюхи? Возможно, тебе незачем беспокоиться о своей репутации, но я не хочу погубить свою. Во всяком случае, сейчас.

Стефано схватил брата за руку и выключил двигатель.

– Не будь ослом. Она богата и умна. И говорят, красива. Пусть куртизанка, хотя это уже в прошлом, но вовсе не та женщина, которую надо избегать. Все знают, что у нее много влиятельных друзей.

Витторио усмехнулся.

– Это ненадолго. Дуче искоренит в Италии такую безнравственность. Шлюха, пользующаяся благосклонностью министров и королей! Отвратительно! – Он выглянул в окно и тихо добавил: – Не удивлюсь, если это место уже под наблюдением.

– Я не уеду, – отрезал Стефано. – Я обещал Карло.

– Вполне в духе Бранкузи иметь такого клиента, – пробормотал Витторио.

Стефано хотелось выскочить из машины и заявить, что он справится сам, а Витторио может проваливать, но тут полная луна выглянула из-за облака. Впереди на пологом холме среди кипарисов возвышалась огромная вилла, залитая лунным светом. Пораженный волшебным видом, Стефано посмотрел на брата и увидел, что тот притих.

– Она удачно выбрала название для своего дома, – съязвил Витторио. – «Ла Тана» – лисья нора, куда лисица привлекает свои жертвы.

– «Ла Тана» означает также «гнездо», а это отлично подходит для дома Голубки.

Братья смотрели на особняк, пока луна вновь не скрылась за облаками и его вновь не поглотила тьма. Но даже мимолетное впечатление от «Ла Тана» приободрило братьев. Витторио переключил передачу, медленно въехал в ворота и двинулся по кипарисовой аллее.

Через несколько минут они затормозили перед виллой, выстроенной из розового и белого мрамора в палладианском стиле. От портика с колоннами расходились два крыла дома. Огромная, обитая железом дубовая дверь открылась прежде, чем Стефано протянул руку к звонку.

– Добро пожаловать, господа, – проговорила женщина, появившаяся в дверном проеме. – Рада видеть вас в моем доме.

Стефано ожидал, что им откроет слуга, но это, конечно же, была сама Ла Коломба, женщина, очаровывавшая Европу почти полвека. Он в немом восхищении уставился на нее, ибо никогда еще не наблюдал столь поразительного сочетания элегантности и красоты. Блестящие черные волосы, уложенные в высокую прическу, подчеркивали стройность шеи. Шелковое платье цвета чайной розы, отделанное жемчугом, облегло изящную фигуру и ниспадало вниз мягкими складками. Красоту лица не затмевал даже блеск бриллиантов на шее. Клеопатра, Троянская Елена, Жозефина... сама Ева... История не знала женщины более изысканной, совершенной и соблазнительной, чем Ла Коломба.

Стефано ощутил укол зависти, когда она взглянула вначале на его брата.

– Вы, должно быть, Витторио. – Ла Коломба протянула ему руку.

Стефано затаил дыхание, опасаясь, как бы брат не сказал какой-нибудь бестактности. Но тот, чуть помедлив, пожал хозяйке руку и слегка кивнул.

Чуть заметно улыбнувшись, она посмотрела на второго гостя:

– А вы – Стефано...

Он склонился над протянутой рукой, нежной и шелковистой. Выпрямившись, Стефано встретил мягкий взгляд сапфировых глаз. Легкая улыбка осветила лицо женщины, и Стефано сразу понял, почему она покоряла мужчин.

– Пожалуйста, заходите, – пригласила Ла Коломба. – Я давно жду вас.

Витторио замялся в дверях, и Стефано заметил настороженность брата.

Сам он был готов сделать для этой женщины все что угодно.

Глава 3

Когда Стефано вошел в царство Ла Коломбы, ему показалось, будто он попал в прошлый век. Следуя за ней по коридору, он слышал только мягкий шелест ее платья и тиканье фарфоровых напольных часов. Сквозь окна, задернутые тяжелыми драпировками, не доносился даже шум дождя. Повсюду горели свечи – в люстрах, на стенах, в серебряных канделябрах на столах, и языки пламени играли на предметах дорогой обстановки: фарфоровых вазах и бронзовых статуэтках, на столиках в стиле будь и серебряных коробочках, на картинах в позолоченных рамах.

Хозяйка двигалась с грацией молодой девушки и с уверенностью женщины, покорившей все страны Европы.

В роскошной гостиной золотое сочеталось с розовым, палево-фиолетовым и бледно-лиловым. На лепном потолке резвились херувимы, на персидском ковре на полу красовались невиданные цветы. На стенах висели картины. Одна из них, изображавшая обнаженную одалиску с блестящей ниткой жемчуга на шее, привлекла внимание Стефано.

– Тициан? – почтительно спросил он.

– Да. – Ла Коломба улыбнулась, приятно удивленная тем, что он узнал художника.

– А это Рубенс. – Стефано посмотрел на большое полотно, где пышнотелая обнаженная женщина склонилась на белоснежную грудь лебедя. – Превосходно!

– Упадничество, – тихо бросил Витторио. Он не разбирался в живописи, но, войдя в дом, сразу же начал прикидывать, сколько стоит то, что попадалось ему на глаза. Ла Коломба, конечно, опасная женщина, но, видит Бог, ее состояние баснословно.

– Пожалуйста, присаживайтесь. – Хозяйка указала на бархатные кресла и софу у камина. При этом она чуть взмахнула рукой, и бриллианты на браслете засверкали. На столе перед софой стоял золотой кофейник, полупрозрачные китайские чашки, лежали салфетки камчатного полотна.

Витторио опустился в кресло, а Стефано сел на софу рядом с Ла Коломбой. Ему хотелось быть ближе к ней, поскольку он никогда не встречал столь очаровательную женщину. Аромат ее духов кружил ему голову, а голос успокаивал. Хотя Стефано только что познакомился с Ла Коломбой, ему казалось, будто он знает ее всю жизнь.

Когда она подняла кофейник, в огне свечей засверкали кольца. Ими были унижены все ее пальцы, кроме безымянного на правой руке, где носят обручальное кольцо.

– Надеюсь, вы простите меня, что сама подаю вам, – начала Ла Коломба. – Я просила слуг не отвлекать нас. Думаю, наше дело лучше обсудить без посторонних. – Первую чашку она протянула Витторио. – Полагаю, вам черный, Витторио...

Витторио нерешительно взял чашку, словно боясь, что кофе отравлено.

– А вы, Стефано, предпочитаете кофе с молоком, верно?

– Откуда вы знаете, синьора? – удивился Стефано.

– От Бранкузи.

Витторио подался вперед:

– С чего он взял, что вам интересно, какой кофе мы пьем?

Ее глаза лукаво блеснули.

– Он знает: я всегда стараюсь достойно принять гостей, кем бы они ни были.

Витторио нахмурился, явно неудовлетворенный ответом, но Ла Коломба тут же осведомилась:

– А много ли вы знаете обо мне?

– Вполне достаточно, синьора, – отозвался Витторио.

– Слишком мало, Ла Коломба, – ответил Стефано.

Ее смех, прозвучавший как колокольчик, навел Стефано мысли о балдахинах и роскошных постелях любовников. Витторио же, рассердившись, быстро осушил чашку и отставил ее.

– Синьора, мы много часов провели в машине. Ночью. Под дождем. Из-за вашего каприза. Не лучше ли заняться делами, чтобы мы могли поскорее уехать.

Стефано возмутила грубость Витторио и откровенно выраженное им желание поскорее закончить визит. Он уже собирался одернуть брата, но Ла Коломба опередила его:

– Вам не нравится мой образ жизни, да, Витторио? – мягко спросила она.

– А что здесь может нравиться, мадам? Все знают, что вы...

– Все? Вы мне льстите. А что вы, Стефано, думаете обо мне?

Он думал... надеялся... видел, что ее лицо изменилось, когда она посмотрела на него.

– Ваша жизнь была полна приключений, – с пылом ответил Стефано. – Не вижу в этом ничего плохого.

– Вы очень добры. – Глаза Ла Коломбы затуманились. – К несчастью, в результате моих приключений я приобрела не только друзей, но и врагов. И хотя я здесь живу тихо и желаю только одного, чтобы меня оставили наедине с моим садом, книгами и любимым домом... кое-кто считает меня опасной женщиной. Вот поэтому мне придется перевезти ценности, которые опасно оставлять здесь. – Витторио выпрямился в кресле. – Однако не следует возвращаться с этим к Карло Бранкузи.

– Не... – начал Витторио.

– Это мой вам подарок.

Братья обменялись удивленными взглядами.

– Почему вы решили сделать нам подарки? – спросил Стефано, ничего не понимая, но пытаясь хоть как-то объяснить ее поведение.

Ла Коломба потянулась за кофейником.

– Хотите еще кофе? Чтобы все объяснить, я должна рассказать вам кое-что о своей жизни...

– Синьора, пожалуйста, – перебил ее Витторио. – Убежден, история вашей жизни очень занимательна и весьма поучительна. Но уже поздно, а мне утром нужно быть в Милане.

Глаза Ла Коломбы сверкнули.

– О да, я знаю, вы очень занятой человек, Витторио. Пунктуальность для вас прежде всего. Вы всегда приходите в магазин ровно в восемь двадцать девять, раньше всех служащих, и отпираете дверь ключами, которые висят на золотой цепочке на поясе. В восемь тридцать мальчик из кафе приносит ваш кофе-эспрессо, и ровно в девять магазин открывается для посетителей. Вы никогда не опаздываете.

Витторио уставился на нее.

– Как вы?..

Но она перебила его:

– Боюсь, что вы, Стефано, совсем не так рациональны. По утрам вы слишком долго валяетесь в постели – и зачастую в постели милой молодой синьорины, – потом поспешно одеваетесь и бежите на работу. Костюм ваш редко бывает отглажен, а волосы часто выглядят так, словно вы причесывались граблями. Вы проводите обеденный перерыв в библиотеке, читая Пиранделло и Данте, а потом снова бежите, опасаясь опоздать в контору. Синьор Бранкузи ворчит на вас, однако начинает понимать, что, возможно, вы не созданы для юриспруденции...

Стефано смотрел на Ла Коломбу смущенно, а Витторио злобно.

– Вы шпионили за нами? А вам известно, что я могу арестовать вас только за это? Вот сейчас позвоню и...

– Знаю, что можете, но не сделаете этого.

– Почему, – Витторио разгладил складки на брюках, как будто ждал прихода партийного начальника, – почему вы так уверены, черт возьми?

Удар грома проник сквозь толстые стены, и по стеклам забарабанил ливень. Словно не слыша вопроса Витторио, Ла Коломба подошла к окну, отодвинула тяжелые шторы и выглянула на улицу.

– Едва ли я отпущу вас в Милан в такую погоду.

– Отпустите нас? – с негодованием воскликнул Витторио. – Вы считаете, что можете командовать нами...

– Я говорю лишь о том, что буду рада, если вы останетесь на ночь.

– Невероятно! Ведь если узнают, что я провел ночь в доме...

– Витторио! – оборвал его брат. – Не смей так говорить с дамой!

– Не волнуйтесь, Стефано, – мягко сказала Ла Коломба. – Я слышала вещи и похуже, так что уже давно не обижаюсь. Простите, Витторио, что поставила вас в такое неприятное положение. Понятно, что ваши товарищи по партии не одобряют этого. Однако никто не знает, что вы здесь. Вам лучше вернуться в Милан утром.

– Мы с радостью останемся, – сказал Стефано. Но Витторио не уступал:

– Синьора, у меня нет времени на...

– Вам придется найти его. Уверю, это в ваших интересах.

Впервые Ла Коломба повысила голос, и в нем послышалась такая властность, что Витторио откинулся в кресле, признавая поражение. Почему бы не потерять время, если за это обещано вознаграждение? Ла Коломба налила еще кофе.

– Предлагаю выслушать мою историю.

Гулкий раскат грома, прозвучав совсем близко, положил конец спору.

Следующий час братья д'Анжели слушали Ла Коломбу. Это в самом деле была интересная история. Стефано был зачарован голосом хозяйки. Витторио едва сдерживал злобу.

– Вы знаете меня как Ла Коломбу, – начала она, – но мое имя Петра Манзи, я родилась в Неаполе, в квартале Спакка. – И она подробно рассказала о том, как умерла вся ее семья в последнее десятилетие прошлого века. – Распространилась эпидемия холеры. Умирали десятки тысяч. Сначала мои сестры, три маленькие девочки, потом мать, а через неделю – отец.

Ла Коломба тяжело вздохнула.

– Потом Агостино Депретис, итальянский премьер-министр в те ужасные дни, подписал приказ: «Неаполь должен быть вычищен». Чтобы избежать катастрофы, он решил снести трущобы. Представьте себе, сотни людей в одно мгновение оказались без крова, и им некуда было идти, ведь они не могли ни снять, ни купить квартиры в других районах. Всю Спакку сровняли с землей. Мне тогда было тринадцать.

Ла Коломба жила с теткой, овдовевшей во время холеры, пока ее не взял в помощницы хозяин магазина.

– А дальше начинается то, что вы слышали сотни раз. Маленькую Золушку вытащил из грязи прекрасный принц – хотя он не был принцем, а я не выходила за него замуж.

Витторио засмеялся:

– Это неудивительно.

Она не обратила внимания на язвительную реплику.

– Моя жизнь совсем не была сказкой. В ней не оказалось волшебства. Все, что у меня есть, я заработала сама. Сама воплотила желания в реальность и добилась всего, о чем может мечтать любая женщина, – богатства, любви, положения, власти.

– Вы называете это властью? – с издевкой спросил Витторио. – Прыгать из одной постели в другую, продавать себя тому, кто предложит больше денег?

Стефано гневно посмотрел на брата и приподнялся, сжав кулаки.

– Я хотел бы извиниться за грубость брата, синьора.

– В этом нет необходимости. Я слишком хорошо знаю его. Вас обоих. – Ла Коломба закрыла глаза, и ее лицо внезапно постарело, словно до сих пор она усилием воли управляла безжалостным временем. – В тридцать с небольшим я приняла решение. Весьма банальное. Миллионы самых обычных женщин принимали такое же решение задолго до меня. Я задумала родить ребенка. – Она улыбнулась и окинула братьев лукавым взглядом. – Я сказала себе, что это самое сильное ощущение, которое может испытать женщина, и не захотела упустить его.

Братья во все глаза уставились на нее и ловили каждое слово.

– Тогда у меня не было любовника. Не усмехайтесь, Витторио. Это случалось часто. Я была очень требовательна к мужчинам. И стала ждать именно Его. Пришел день, когда однажды в опере я познакомилась со своим избранником. Высокий, красивый, он занимал хорошее положение и был весьма известен, но так высокомерен, что пренебрегал условностями и диктовал свои правила... Он не побоялся появиться со мной на публике, и я приняла его приглашение на ужин. В «Гранд Марнье» я решила, что этот человек идеально подходит для моей цели.

И, как обычно, получив то, что хотела, она справилась и со сложной беременностью, и с трудными родами.

– Это было не так загадочно, как я ожидала, – с улыбкой призналась Ла Коломба. – Однако здоровый ребенок с крепкими ножками стал радостью моей жизни. Через четыре года я снова забеременела, но уже случайно. Отец второго ребенка действительно завладел моим сердцем. Он был женат на бесплодной женщине, но церковь запрещала ему развод. Мы были необычайно счастливы, ожидая, что у нас родится великолепный малыш. Так и случилось...

Ла Коломба откинулась на спинку кресла, и ее лицо исказилось болью.

– Я безумно любила моих сыновей, хотя и знала, что мне придется расстаться с ними. В моем мире не было места для подрастающих детей. Я не хотела, чтобы на них пала тень моего позора. Это не позволило бы им стать уважаемыми людьми. Расстаться с ними для меня было все равно что отрезать себе руку, но я считала это лучшим выходом.

Вскоре после рождения второго сына Ла Коломба отослала от себя детей.

– У меня был очень преданный друг, юрист в Милане. Я попросила его взять моих сыновей и воспитать их. Мы решили дать им другую фамилию, поскольку моя была слишком хорошо известна. Не сомневаясь в том, что мои дети – дар ангелов, я назвала их д'Анжели – Витторио и Стефано.

Ее взгляд, устремленный на братьев, выражал вызов и мольбу.

Ошарашенные, они испытывали разные чувства. Стефано пришел в восторг. Оказывается, у него есть мать, самая прекрасная, о какой можно только мечтать, смелая, очаровательная, загадочная.

Витторио был в отчаянии.

– Ложь! – Он вскочил с кресла. – Мои родители были убиты...

– Бомбой анархистов? – спокойно спросила Ла Коломба. – Эту историю придумал Карло.

Но Витторио не желал мириться с ужасной новостью.

– Нет! Ты – моя мать?! Это чудовищно! Ты хочешь, чтобы меня считали ублюдком, сыном шлюхи! – Он взмахнул рукой, словно хотел оттолкнуть ее.

Стефано быстро поднялся и встал между братом и... матерью.

– Предупреждаю тебя, Витторио. Никогда больше не говори с ней так!

– Садитесь! – Она не кричала, но ее голос остудил их пыл – голос матери, уверенной, что она вправе повелевать своими детьми. – Я не допущу, чтобы вы дрались в моем доме.

Братья медленно опустились в кресла, и Стефано с яростью посмотрел на Витторио. Значит, он – его единокровный брат. Это многое объясняло.

Витторио опустил голову.

– Ты очень похож на отца, – заметила Ла Коломба. – Если бы он знал, каким ты вырос...

Витторио бросил на нее хмурый взгляд.

– Он не знает...

Ла Коломба посмотрела на Стефано:

– Ты тоже похож на своего отца. Он был очень талантлив, возможно, даже гениален. Ты гордился бы им. – Она улыбнулась.

– А я гордился бы? – осведомился Витторио.

– О да, ты очень гордился бы своим отцом, Витторио, а он – тобой. – В ее голосе звучала ирония, но старший сын не заметил ее.

Стефано смотрел на прекрасную женщину с добрыми глазами, освещенную дрожащими огоньками свечей. Час назад – возможно ли это? – только час назад Ла Коломба была для него всего-навсего легендой. Сейчас...

И в его голове наконец вспыхнуло верное слово – мама. Интересно, каким бы он вырос рядом с ней?

– Лишь бы это не обнаружилось, – прошептал Витторио, медленно покачивая головой. – Я посвятил себя новой Италии, а там нет места для людей, подобных вам.

– Ты почти преуспел в своем начинании, – заметила Ла Коломба. – Вот почему мне и пришлось позвать вас сюда сегодня.

– Я сделаю все, чтобы помочь вам, синьора, – начал Стефано и умолк, внимательно глядя на нее. – Могу ли я называть вас мамой?

– Как долго я мечтала услышать это слово от тебя, от вас обоих. И никогда не думала, что услышу. Я не собиралась говорить вам о себе. Ни сейчас, ни впоследствии. Но из-за твоих друзей-чернорубашечников это стало необходимо, Витторио. По-твоему, такие, как я, не должны жить в современном фашистском государстве. Недавно я услышала, что меня могут арестовать за антифашистские убеждения. Один из моих дорогих друзей тратит свое огромное состояние на борьбу с Муссолини. К тому же он еврей, а ты, Витторио, особенно хорошо знаешь, как усиливается антисемитизм нашего Бенито. – Она печально улыбнулась. – Дуче намерен пригласить на танец немецкого фюрера.

Стефано пытался незаметно сделать знак и дать ей понять, что при Витторио нельзя говорить так свободно, но она продолжала:

– Поместье и все, что здесь есть, могут конфисковать в любой момент.

– Нет! – вскрикнул Стефано.

– Вы не вправе порицать государство за намерение конфисковать несправедливо нажитое богатство, – бросил Витторио.

– Полагаю, ты отнял магазин у еврея из чувства справедливости? – насмешливо заметила Ла Коломба.

Возмущенный Витторио молчал. Стефано все больше восхищался матерью.

– Сейчас чернорубашечники берут верх, – сказала она. – Никто не в силах предотвратить их ужасные беззакония. Но будь я проклята, если буду спокойно смотреть, как моя собственность переключается в их карманы.

– Чем мы можем помочь? – спросил Стефано.

– Поосторожнее, Стефано. Она же враг государства. Если мы поможем ей...

Ла Коломба спокойно посмотрела на него.

– Конечно, сынок, я не хотела бы, чтобы ты нарушал свои принципы. Но не выслушаешь ли мое предложение, прежде чем донести на меня? – Ла Коломба направилась к двери. – Пойдемте. Я кое-что покажу вам.

Стефано последовал за матерью, а Витторио не двинулся с места, опасаясь скомпрометировать себя. Он подозревал, что за домом наблюдают. Вероятно, кто-то видел, как он вошел сюда. К тому же, наверное, уже известно, что эта женщина считает себя его матерью, хотя это

еще не установленный факт. Правду сказала Ла Коломба или нет, но она способна повредить ему, лишить его возможности...

Однако он не забыл и об обещанном ею подарке. Ла Коломба очень богата. Еще раз окинув взглядом картины, мебель и золото, мерцающее при свете свечей, Витторио встал и пошел за братом.

Ла Коломба вела их вверх по лестнице красного дерева. В доме, уставленном предметами роскоши, было уютно, он ничуть не походил на музей.

Ла Коломба открыла комнату, отделанную золотом и шелком цвета слоновой кости. Плотный атлас драпировал окна, им же была обтянута мебель. Потолок украшала лепнина в форме розеток и ангелов. Высокие зеркала в стиле рококо закрывали верхнюю половину стен. Этот будуар был средоточием «Ла Тана».

Кто-то зажег здесь свечи совсем недавно, хотя ничто не говорило о присутствии слуг.

– Это моя комната, – сказала Ла Коломба. – Я называю ее моей драгоценностью.

Она провела рукой по стене, обшитой дубом. Панель с тихим звуком отодвинулась, и за ней открылась глубокая ниша. Ла Коломба выкатила оттуда столик с мраморной столешницей.

На нем стояло более дюжины шкатулок, покрытых бархатом, кожей, эмалью, позолоченных, деревянных. Открыв одну из них, она вынула ожерелье из изумрудов и сапфиров. Оно скользнуло сквозь ее пальцы, как морская змея.

– Великолепно! – восхищенно прошептал Стефано, когда мать протянула ему ожерелье. Красивая буква «К» из маленьких бриллиантов украшала застежку.

Потом она достала серьги из великолепно подобранных рубинов цвета голубиной крови. Существовало поверье, будто редкие рубины имеют точно такой же цвет, как первые две капли крови из ноздрей только что убитого голубя. Их она отдала Витторио. Ахнув, он с жадностью схватил серьги.

Ла Коломба показала им брошь в форме пшеничного снопа с бриллиантовыми зернышками, прикрепленными золотыми проволочками так искусно, что колоски подрагивали, как под летним бризом. Еще одна брошь напоминала веточку малины с ягодами, сделанными из рубинов. Затем из шкатулок были извлечены браслет из золота с камнями, золотое кольцо с эмалью, диадема, ожерелье, серьги и запястье из изумрудов и бриллиантов.

– Это принадлежало императрице Евгении, – торжественно пояснила Ла Коломба.

Стефано заворочено наблюдал, как она одно за другим раскладывала перед ними ювелирные украшения. Он знал, что никогда больше не увидит подобного великолепия. Даже королевы не имели таких баснословных сокровищ.

– Это одна из моих любимых. – Ла Коломба достала брошь, изображающую птицу феникс. Ее сердце – огромный розовый бриллиант, самый редкий в мире, – было окружено бриллиантами. Глаза из сапфиров сияли, а изумрудные крылья, казалось, вот-вот расправятся в полете.

– Мой личный герб, – улыбнулась Ла Коломба. – Символ того, что я восстала из пепла неаполитанских трущоб.

Она внимательно посмотрела на сыновей. Лицо Стефано выражало благоговение, пальцы Витторио жадно шевелились над драгоценностями.

Стефано поднял глаза на мать.

– Поразительно красивые вещи. Вы, наверное, сверкаете, надевая их.

Ла Коломба засмеялась и приложила руку к груди.

– Благодаря им здесь никогда не меркнет свет, даже когда я без них... – Открыв маленькую шкатулку, она достала великолепный розовый бриллиант без оправы.

– Мне всегда казалось, что эти вещи сделали меня такой, какая я есть.

Стефано заметил: мать что-то вспомнила, и выжидательно посмотрел на нее. Но она закрыла шкатулку с бриллиантом.

– Эта история для другого раза, – тихо проговорила она.

– И в самом деле. – Витторио стиснул в руках украшенный бриллиантами собачий ошейник. – Вы сказали, что у нас есть какое-то дело, касающееся коллекции.

– Значит, ты не боишься, что мои драгоценности повредят твоей репутации? – усмехнулась она. – Это хорошо. Потому что вам придется разделить их. Это ваше наследство.

Чтобы дать сыновьям время осознать, какое на них свалилось богатство, Ла Коломба закурила сигарету и подошла к окну. Через несколько минут она снова заговорила:

– Драгоценности необходимо вывезти из «Ла Тана» в безопасное место. Витторио, ты доставишь их в Швейцарию.

Стефано встревожено взглянул на нее. Неужели мать, несмотря ни на что, доверяет Витторио?

Словно угадав его мысли, Ла Коломба пояснила:

– Благодаря партийным связям, Витторио, у тебя есть известные привилегии. В отличие от Стефано ты можешь получить разрешение на выезд и пересечь границу без особых проверок. Ты отвезешь драгоценности в Женеву. По договоренности со мной их сохранят в банке на особых условиях. После моей смерти вы заберете коллекцию, одновременно предъявив то, что подтвердит ваши права на нее.

Ла Коломба взяла со столика маленькую нефритовую шкатулку.

– Здесь ключ к моей жизни и вашему богатству. Она открыла крышку. Внутри на шелковой подушечке лежала бутылочка для духов, украшенная драгоценными камнями. Жемчужные плечи, бриллиантовая юбка и рубиновый лиф сверкали в янтарном пламени свечей. Но волшебная красота женской фигурки превосходила красоту камней.

– Потрясающе! – воскликнул Витторио. – Я никогда не видел ничего подобного. Челлини? – спросил он, вспомнив великого ювелира эпохи Возрождения.

– У тебя хороший глаз, – заметила Ла Коломба. – Это в его манере. Но нет, не Челлини, Фигурку изготовили в Амстердаме несколько лет назад специально для меня. Мои глаза когда-то были голубыми, как сапфиры. – Она провела длинным ногтем по темно-синим камешкам. – Мы очень любили друг друга.

«Возможно, мужчина, заказавший для нее фигурку, мой отец», – подумал Стефано.

Не успел он задать вопрос, как Ла Коломба, разделив фигурку на две части, протянула по одной каждому: верхнюю – Стефано, нижнюю – Витторио.

– Эти две части необходимо представить одновременно, чтобы забрать из банка коллекцию. Вам придется приехать туда вместе.

Витторио повертел свою половинку в руке.

– Зачем рисковать и вывозить драгоценности из страны? Почему бы не спрятать их здесь?

– Скоро начнется война, только слепец этого не видит. И тогда Италию разрушат.

– Италия победит! – вскипел Витторио.

Ла Коломба пожала плечами:

– Думай как хочешь. В любом случае Европа скоро погрузится в хаос. Однако, надеюсь, что в Швейцарии драгоценности будут в безопасности.

– Если они туда доедут, – с вызовом заметил Витторио.

Стефано взглянул на брата:

– Если не уверен в себе, поеду я.

– Не стоит беспокоиться. – Ла Коломба подняла руку. – Ты фашист, Витторио, но вместе с тем практичный человек. Ты не заинтересован в том, чтобы твои друзья узнали о нашем родстве и об ожидающем тебя богатстве. Поэтому убеждена, что ты точно выполнишь мои инструкции.

– Какие?

– Драгоценности нужно вручить мистеру Линднеру в банке «Гельвеция» в Женеве. Как только он получит коллекцию и убедится, что все вещи целы, я узнаю об этом. Если он не свяжется со мной в течение трех дней, мне придется сообщить знакомым членам правительства о факте воровства. Тогда я признаюсь, что доверила драгоценности тебе, моему сыну.

– Три дня – это слишком мало, – возразил Витторио.

– Дорога займет не больше суток. У тебя есть еще два дня, чтобы получить необходимые разрешения. Сынок, с твоими связями ты легко преодолеешь все препятствия, чинимые фашистами.

Витторио чуть улыбнулся:

– А вы и в самом деле коварная лисица.

– Иногда приходится прибегать и к коварству. Полагаю, я забочусь не только о драгоценностях, но и о вашей безопасности.

– Нашей? – удивился Стефано. – Разве вы можете защитить нас?

– Вы оба не представляете себе, что такое война. А я знаю куда больше, чем вы. Война – это не просто борьба одного народа против другого. Она поднимет брата на брата. Мои маленькие хитрости воспрепятствуют этому. Когда война кончится и придет время получить драгоценности, вам придется объединиться. Не сомневаюсь: каждый из вас сделает все возможное, чтобы защитить другого. Если так и произойдет, вы вступите в обладание богатством, которое даст вам возможность вести достойную жизнь после того, как хаос кончится. Но порознь вы не получите ничего.

Ла Коломба поднялась. Было видно, что она устала.

– Пора спать. Дождь будет лить всю ночь, поэтому лучше отправиться утром. Я упакую драгоценности и положу их в твою машину, Витторио. – Она погладила руку Стефано и помахала старшему сыну. – Пойдемте, я покажу ваши комнаты.

Ливень продолжался до рассвета. Проснувшись рано утром, Стефано распахнул ставни и увидел, что солнце осветило вершины холмов, темно-желтые поля и серебристо-зеленые оливковые рощи. Все выглядело преображенным. Вдалеке возвышались голубые холмы, воздух был свежим и чистым.

Уже началась осенняя вспашка, и по полю медленно тащилась пара крепких, запряженных в плуг быков. Услышав звонкие трели жаворонка, Стефано подумал, что мир совершенен. Душа молодого человека ликovala, ведь накануне он обрел мать, к тому же умную и красивую женщину.

Внизу слышались голоса, а из-за угла дома появилась Ла Коломба. Неужели она так рано встает? К тому же эта женщина выглядела так, словно то, что было вчера, только померещилось. Сегодня Ла Коломба надела широкую юбку и простую блузку, прикрытую шерстяной шалью, в которую она куталась от утреннего ветра, а волосы небрежно собрала на затылке.

Ла Коломба о чем-то беседовала с мужчиной в рабочей одежде, и до Стефано донеслись ее слова:

– Я поговорю с плотником.

Из того, что сказал мужчина, Стефано разобрал только уважительное «донна Петра», вслед за чем тот повернулся и ушел.

Почувствовав, что на нее смотрят, Ла Коломба подняла голову.

– Доброе утро. – Она приветливо улыбнулась. – Надеюсь, ты хорошо спал.

– Очень хорошо, – ответил Стефано.

– Пойдем завтракать. Спустись по лестнице и сверни направо.

Через пять минут Стефано вошел в залитую солнечным светом комнату с французскими окнами, выходящими в сад. На буфете стоял дымящийся кофейник, большие блюда с сыром и мясом, корзинка со свежее испеченными хлебцами и вазочки с маслом и джемом.

Ла Коломба сидела возле окна за небольшим столиком, любуясь садом с цветниками и фонтаном в центре. Стефано положил себе на тарелку еду, налил кофе и подсел к ней.

– Я часто думаю, – тихо начала она, устремив взгляд на кипарисы па вершине холма, – что из меня бы вышла хорошая крестьянка.

– Из вас? – удивился Стефано.

Да ведь эта женщина была самой известной куртизанкой в Европе, ее окружали принцы, аристократы и высокопоставленные особы, и лишь несколько часов назад она самозабвенно восхищалась драгоценностями, когда-то подаренными ей! При чем же тут деревенская девушка?

– Ничего странного, – сказала Ла Коломба, заметив его реакцию. – Это правда. Да, я люблю Париж и Рим, ценю дворцы и шампанское. Я даже однажды консультировала махараджу. Но никогда не чувствовала себя так хорошо, как в «Ла Тана», когда гуляла по саду, смотрела, как готовят оливковое масло, обсуждала виды на урожай. Это необычайно приятно.

Стефано пил кофе, глядя на Ла Коломбу. У нее было красивое, ухоженное и, несмотря на возраст, все еще молодое лицо. Внезапно он заметил, что на матери нет сейчас ни одного украшения. Однако она была все так же прекрасна.

– Вы поразительная женщина. Я бы хотел лучше узнать вас.

Ла Коломба поставила чашку и нахмурилась.

– Не знаю, хватит ли у тебя времени.

Безотчетная злость, вспыхнувшая в нем, затмила солнечный свет и ту радость, которую Стефано испытал утром.

– А могло бы хватить! Двадцати четырех лет вполне достаточно для этого.

Она вздрогнула как от пощечины.

– Ты говоришь так, будто я обманула тебя.

– А разве нет? Разве не вы лишили меня матери? Все эти годы я считал, что вас нет в живых, и размышлял о том, как вы выглядели, о чем думали. А вам не хотелось узнать меня?

– О, Стефанино! – Горький вздох Ла Коломбы привел его в отчаяние. – Я волновалась, очень волновалась за вас, иногда изнемогала от тревоги. Неужели ты не понимаешь? Я отослала вас именно потому, что беспокоилась о вашем будущем. Но ты всегда был в моем сердце, и я часто наблюдала за тобой.

– Ты видела меня?

– Я смотрела, как ты катался по площади на первом велосипеде. Видела, как ты выиграл медаль в соревнованиях по плаванию в двенадцать лет. Мое сердце разрывалось от того, что я не могла обнять тебя тогда. – Она откинула прядь волос с его лба. – Догадываешься ли ты, как долго я готовилась ко вчерашнему дню?

Стефано в полном смятении схватил ее за руку.

Ла Коломба тихо продолжала:

– Помнишь стихотворение, которое ты написал в пятнадцать лет и опубликовал в газете? Я так гордилась тобой! А ты смущался, невнятно бормотал и запинаясь, отвечая на вопросы журналистки. Ты был так застенчив, что даже избегал смотреть ей в глаза.

– Откуда ты знаешь?.. – И внезапно он вспомнил: – Ты?! Леди в белых перчатках и французской вуали? И изумруды? Кажется, это были изумруды.

Она улыбнулась.

– Боже, – вздохнул Стефано, – если бы я только знал!

– Возможно, нам повезет, и мы еще узнаем все друг о друге.

– Я... – Стефано осекся, чувствуя, что слезы подступают к глазам, совсем как в детстве. – Мама! – Он поднес ее руку к своей щеке.

В этот момент вошел Витторио, наблюдавший за ними уже несколько минут и охваченный необычным и неприятным ощущением – завистью.

– Мне пора ехать, Стефано, – сказал он еще более резко, чем обычно.

Ла Коломба улыбнулась ему:

– Доброе утро, Витторио.

– Нам предстоит долгая дорога, синьора.

– Тебе следовало бы поучиться терпению, Витторио. В прошлом году ты держался не слишком любезно с одной покупательницей, суетливой голландской леди, которая спрашивала почтовую бумагу. Она вызвала у тебя раздражение.

Он удивленно посмотрел на нее и почти с восхищением воскликнул:

– Вы?!

Она кивнула, и ее улыбка заставила его рассмеяться.

– Выпей кофе, Витторио, – предложила Ла Коломба.

– Спасибо, синьора, нет. Если драгоценности должны попасть в Швейцарию через три дня, необходимо поскорее начать оформление.

– Полагаю, ты прав. – Она подошла к буфету, положила пару хлебцев и пирожных в корзину и протянула ее Витторио.

– Возьми с собой и поешь, если проголодаешься в дороге.

– Не слишком ли поздно опекать нас? – спросил Витторио, но его голос уже не звучал насмешливо.

– Не лишай меня... может быть... последней возможности.

Витторио взял корзину, и они все вместе вышли во двор. Он сразу открыл багажник машины, чтобы проверить, на месте ли драгоценности. Упакованные в плоские картонные ящики и накрытые сверху мешковиной, они лежали там.

– Я беспокоюсь за тебя, – сказал Стефано матери, пока Витторио проверял коробки. – Ты говорила, что тебе грозит опасность...

– Дело в том, что некоторые люди считают меня вредным элементом. Но я поднималась чаще, чем ты падал, Стефанино. – Ла Коломба крепко взяла его за руку. – Я скользкая, как угорь. Не так уж сложно спрятать несколько небольших камешков. Они станут вескими аргументами, даже если мне придется туго. Не тревожься за меня.

Витторио закрыл багажник, вернулся к ним и протянул руку Ла Коломбе.

Но она не взяла ее, а потянулась и поцеловала его в щеку.

– До свидания, Витторио. Хотя я не разделяю твои политические взгляды, но всегда молюсь, чтобы у тебя было все хорошо.

Он натянуто улыбнулся:

– И я желаю тебе того же... мама.

Ла Коломба и Стефано обменялись долгими взглядами.

– До свидания, Стефанино. – Она обхватила ладонями его голову. – До свидания, сынок.

– До свидания... мама, – ответил он и поцеловал ее в щеку. – Мы скоро встретимся. Обязательно.

– Надеюсь. А теперь поезжайте.

Стефано сбежал по ступеням и сел в машину. Витторио уже включил двигатель. Когда они въехали в аллею, Стефано обернулся. Ла Коломба стояла на ступенях, и даже в простой юбке и блузке выглядела как королева. Он не отрывал от нее взгляда, пока они не свернули.

Стефано чуть не плакал. Они еще встретятся. Он должен увидеть ее, ведь ему так много надо узнать. Как матери удалось подняться из самых низов? Он непременно попросит Ла Коломбу рассказать ему об отце.

Глава 4

Неаполь, 1886 год

Сегодня, как и каждое утро в этом году, четырнадцатилетняя Петра Манзи проснулась от кошмара, который преследовал ее по ночам. Новый день, впрочем, не обещал ей ничего хорошего.

– Святая Мария, мать Божия, – начала она молиться, не поднимаясь с постели. – Спаси меня от этого ада.

Год назад Петра думала, что худшее уже позади. Она потеряла вес – мать, отец, сестры умерли от холеры, ее дом снесли, чтобы остановить распространение инфекции, друзей и соседей разметало по стране. Ничего и никого не осталось. Когда все уходит, уже нечего терять, говорили некоторые взрослые, желая утешить себя и других.

Но Петра поняла, что они ошибались. У нее еще оставались воля, сердце и душа... но Лена Сакко, похоже, собиралась отнять даже это.

Как обычно, Лена не заставила себя ждать. Едва Петра встала со своего тюфяка около кухонной плиты и пошла умываться ледяной водой, которую натаскала вечером из колодца, занавеску, отделяющую кухню от магазина, резко отдернули.

– Ленивая маленькая неряха, ты до сих пор не приготовила завтрак и не вымыла камин! – Между темными бровями Лены пролегли глубокие морщины. Ей еще не было и сорока, но, ожесточенная и обиженная на весь свет, она выглядела на десять лет старше.

– Простите, синьора, – пробормотала Петра.

На любые другие слова Лена отвечала побоями, а рука у нее была тяжелая. Петра, стоя в одних грубых штанах, в которых обычно спала, потянулась за платьем. Девочке было неприятно, что Лена разглядывает ее.

Лена схватила ее, не дав одеться, и сжала руку так сильно, что наверняка останется синяк. Потом оскалилась, как волк, что означало улыбку.

– Маленькая неряха становится зрелой девушкой. – Ее взгляд скользнул по обнаженному телу Петры. Уж Лена-то знала, как дуреют мужчины от таких сладких тел со всеми этими изгибами, которых она сама была лишена. Лена провела рукой по бедру девочки, гладкому как алебастр, потом обхватила ее грудь, начавшую наливаться и округляться. – Ну прямо спелый персик, готовый свалиться с дерева, а?

Усмехнувшись, Лена ущипнула сосок, сжала его своими стальными пальцами и засмеялась. Петра стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть. Любое проявление боли только раззадорит ее мучительницу.

Лена отпихнула ее к стене.

– Иди прикройся. Мой муж скоро придет завтракать. Я не хочу, чтобы ты выставляла себя напоказ перед ним.

Наконец Лена ушла. Петра быстро оделась в тонкое коричневое платье, завязала густые темные волосы обрывком веревочки и свернула тюфяк. Затем вымела вчерашнюю золу из плиты, бросила туда уголь и развела огонь. Закончив приготовления, Петра бросила умоляющий взгляд на Мадонну, которая с безоблачной улыбкой смотрела на нее из ниши в стене. Привстав на цыпочки, девочка коснулась костяных четок, висевших у ног Мадонны.

– Святая Мария, мать Божия... – тихо прошептала она.

Так начался этот день. Петра быстро приготовила поленту – кашу из кукурузы, сняла салями с гвоздя на стене и нарезала шесть кусочков для Джованни.

Сразу после эпидемии холеры, которая оставила Петру сиротой, ее приютила тетя Гемма. Но как можно жить всемером в темном полуподвальном помещении, похожем на пещеру? Овдовев во время этой же эпидемии, Гемма, чтобы прокормить детей, стирала для богатей.

Она старалась сделать все, что было в ее силах, для единственного уцелевшего ребенка своей покойной сестры. Неподалеку от их жилья располагалось много маленьких магазинчиков, и Гемма нашла племяннице место у ремесленника Джованни Сакко. От Петры требовались только мелкие услуги в магазине, и Сакко обещал позаботиться о ней.

Основной доход Джованни Сакко получал от поделок из коралла, весьма популярного у неаполитанцев. Он оказался славным человеком, а вот его жена...

Уже через неделю, устав от постоянных оскорблений Лены Сакко, Петра прибежала к тетке, умоляя разрешить ей вернуться. Удрученная Гемма ответила отказом.

– Я знаю, что Лена Сакко – злая женщина, – сказала она. – Семнадцать лет замужем и не родила ребенка, даже ни разу не забеременела, будто ее сглазили. Бедняга вымещает обиду на всех. Но ее грубость можно вытерпеть, Петра, а от голода нет защиты. Мне не прокормить тебя. Оставайся у Сакко и его жены или ступай жить на улицу.

Петра видела беспризорных детей, которых продавали на улицах Неаполя на ночь мужчинам или женщинам, кто пожелает. Гемма считала, что судьба юных шлюх хуже, чем смерть.

Но иногда Петра думала, что жить с Леной Сакко еще хуже.

Девочка знала: та делает все возможное, чтобы забеременеть. Вся стена ее спальни была увешана иконами Святой Девы. Над кроватью рядом с изображениями беременных женщин висели амулеты. Четки были заговорены. У ног святых, покровительниц материнства, постоянно лежали цветы.

В своих молитвах Петра всегда упоминала Лену, надеясь, что ее хозяйка станет добрее, если забеременеет. Сама по себе работа в магазине подходила для Петры. В районе порта, вдоль Санта-Лючия, находилось не меньше дюжины магазинчиков, где торговали сувенирами из коралла, кости и черепахового панциря. Один из них принадлежал Джованни. Более крупные магазины выставляли на продажу красивые табакерки, рога и бивни. Их покупали богачи, живущие на виллах на окрестных холмах.

Сакко посещали другие клиенты – рыбаки и строители, коллекционеры всякой чепухи и местные прачки, люди с маленькими кошельками и большими претензиями. Он продавал им безделушки в форме рога и другие амулеты, дорогие сердцам суеверных неаполитанцев, талисманы, нейтрализующие злой глаз. Значительную часть побрякушек Джованни делал сам. Более замысловатые вещички покупал у других.

Петре нравился Джованни Сакко, хотя и не красавчик, а плотный, невысокий, даже приземистый мужчина с темной, как зрелые оливки, и блестящей от пота кожей. Он хорошо с ней общался, почти по-родственному.

– Отложи метлу, малышка, – сказал Джованни этим утром. – Сегодня жарко, а пол и так чистый. – Он раскладывал на прилавке гребни. – Иди возьми холодной водички с кухни.

Она благодарно улыбнулась ему.

– И стаканчик вина для вас?

– Конечно. – Кончики его свисающих усов приподнялись от лукавой усмешки. – Но не говори Лене.

Петра вернулась с двумя стаканами и села на высокую табуретку за прилавком, чтобы рассортировать костяные пуговицы. Начиналось ее любимое время дня. В магазине было мало покупателей, а Лена ушла на утреннюю мессу, чтобы обратиться ко всем святым с просьбой о зачатии ребенка.

– Петра, – помолчав, начал Сакко, – есть что-нибудь в моем магазине, что тебе хотелось бы иметь?

Она удивилась. Что-нибудь? Ей нравилось здесь почти все – ну, кроме, пожалуй, некоторых амулетов, – особенно гребни из черепахового панциря и коралла, зеркала в красивых рамах, маленькие брошки.

Посмотрев в простодушное детское лицо, Джованни улыбнулся.

– Твоя тетя сказала, что послезавтра у кого-то день рождения. Это печально известный день в Неаполе... но твой праздник – хороший повод для того, чтобы сделать тебе подарок.

Петра почти забыла про свой день рождения. Хотя его легко было запомнить, поскольку она родилась в день, когда лава Везувия накрыла город во время извержения. Тогда мало кто пострадал, и совпадение дат всегда считалось в ее семье хорошим знаком. Хотя девочку называли в честь святой Петры, ее имя имело и другое значение. Петра – «камень», как те, что вылетали из сердца вулкана в день ее рождения. Ей, старшему ребенку, зачастую приходилось быть опорой для семьи. Если она выходила из себя, отец, дразня, называл ее Петрина, «маленький кремь», – из-за искр, которые вспыхивали от злости в ее синих глазах.

– Даю тебе день подумать о подарке, – прервал ее мысли Сакко. – Конечно, не выбирай дорогих вещичек, так как я могу всучить их проходящему богачу. Но что-нибудь еще...

– О, синьор Сакко! – Восхищенная Петра чуть не спрыгнула с табуретки, чтобы обнять его, но удержалась, и к лучшему, ибо в этот момент появилась Лена. Петра почувствовала, что хозяйка в особенно плохом настроении.

– Мне нужен другой фаллос! – бросила Лена, войдя в магазин. Взглянув на Петру, она добавила: – С тех пор как появилась эта девчонка, одного недостаточно. Она заставила мою животворную кровь высохнуть.

Джованни покорно подошел к витрине, достал ящик и протянул его жене. Та начала перебирать лежавшие в нем амулеты.

– Тот, что под матрасом, больше любого из этих, – заметил Джованни.

Лена проигнорировала робкое вмешательство мужа и выбрала самый большой и красный из миниатюрных коралловых фаллосов, выполненных очень тщательно и подробно, вплоть до малейших деталей.

– А что с травмами и маслом, которое я втирал тебе в живот вчера вечером? – спросил Джованни.

– От трав у меня пересохло во рту, а от масла никакого толку. – Она истово прижала к груди маленький амулет. – Я все делаю, Джованни. Ты знаешь, что я молюсь Святой Деве до крови на коленях, постоянно Соблюдаю пост, а сколько свечей поставила? – Лена говорила так, словно все зависело от ее мужа, стоит его только хорошенько попросить. – Я не пропустила ни одной мессы с тех пор, как мы поженились.

– Я знаю, дорогая, – пробормотал он, смущенно поглаживая ее по плечу. – Но ты должна потерпеть.

Лена взглянула на Петру, которая, сжавшись в комок и желая провалиться сквозь землю, раскладывала коралловые статуэтки.

– Это она, – прошипела Лена. – Мерзавка навела на меня порчу.

Джованни с тревогой взглянул на девочку.

– Синьора Гризелли хочет получить свою коробочку сегодня. Отнеси ее сейчас, Петра, – тихо попросил он.

Благодарная за то, что ей позволили уйти, Петра взяла коробочку, накинула шаль и поспешила к двери. Но от Лены не так-то легко было отделаться.

– Да, хорошо, если ты уйдешь! – резко бросила она. – Но будет еще лучше, если никогда не вернешься!

Девочка застыла в дверях, опасаясь, что если выйдет, ее не впустят обратно.

– Лена! – повысил голос Сакко, что случалось редко, особенно в разговорах с женой. – Петра нужна нам. Она... хороший работник.

– Да, она очень хорошо заговаривает против меня.

– Ради всех святых! Петра ребенок, у нее нет злых умыслов. Будь добра к ней, и святые вознаградят тебя. Послезавтра у нее день рождения...

– День рождения? – Лена повернулась к Петре, и глаза ее расширились. Выставив вперед красный коралловый фаллос, она двинулась к девочке. – Во вторник твой день рождения?

– Да. – Петра попятилась.

– Двадцать шестое апреля? И тебе исполнится пятнадцать?

Девочка кивнула, предчувствуя неладное.

– Я так и знала! – крикнула Лена и схватила Петру за волосы. – Я была права! Это наговор! Двадцать шестое апреля 1871 года. Она родилась в день извержения Везувия. В день смерти и разрушения! – Лена замахнулась фаллосом, и девочка испуганно прижалась к стене. – Ее родили, когда пепел покрыл землю, сделав ее бесплодной. А она так же поступает со мной!

– Лена, – заволновался Джованни, пытаясь остановить жену. – Петра ничего тебе не сделала.

– Я выгоню ее! – взвизгнула Лена. – Я никогда не забеременею, пока она здесь!

Джованни смущенно посмотрел на Петру. Боясь, что он подтвердит слова жены, девочка бросилась прочь. За ее спиной долго еще слышались радостные крики Лены Сакко.

На углу Петра на минуту остановилась, перевела дыхание, а потом побрела вдоль порта и мимо рынка, не обращая внимания на заигрывания матросов и даже не глядя вокруг.

– Я буду как камень, – твердила Петра. – Я все вытерплю. Я крепкая, не сломаюсь. – Она закуталась в шаль и обхватила себя руками, чтобы унять нервную дрожь. – Я Петра, камень. – Пусть ее отбрасывают прочь, как булыжник из-под ноги, она найдет себе место в жизни.

Внезапно она поняла, что до сих пор держит в руке коробочку, которую Джованни дал ей для покупательницы. Отнести ее назад или выполнить поручение? Может, если она исполнит поручение, Джованни разрешит ей остаться? И Петра отправилась к покупательнице.

Она могла с завязанными глазами пройти по муравейнику закоулков и дворов беднейших кварталов своего города. Иногда девочка удлиняла обычную дорогу, чтобы полюбоваться красотой Неаполя, и шла по огромным площадям, построенным в те времена, когда город принадлежал испанцам, которые возводили себе огромные дворцы.

Однажды вечером Петра оказалась возле театра «Сан-Карло» незадолго до начала представления. Она притаилась в тени, загипнотизированная великолепными нарядами и украшениями дам и безупречно черными костюмами мужчин. О чем они думают, эти люди в роскошной одежде, такие красивые и богатые, способные удовлетворять все свои желания?

А сегодня Петра бежала по узким улочкам вдоль порта, где царили суета, яркие краски, грохот и шум, столь привычные для Неаполя. И если в доме Сакко ей было одиноко, то на улицах города девочка почти всегда чувствовала себя членом большой шумной семьи.

С балконов свисали веревки с бельем. Они опутывали город, как яркие флажки, которые трепетали от морского бриза. Молодая мать, высунувшись из верхнего окна, собирала свои простыни и перекрикивалась с соседями.

Вскоре Петра подошла к дому синьоры Гризелли. Поблагодарив девочку, женщина оглядела ее и нахмурилась.

– Тебе следует быть осторожной, милая, – тихо сказала она. – Красивая девочка, гуляющая одна по улицам, – лакомая добыча для грубых моряков. – Женщина перекрестилась и закрыла дверь.

Петра размышляла об этих словах всю обратную дорогу в магазин. Внезапно она услышала хриплый голос:

– Эй, милашка! – крикнул матрос, выходя из кафе. Когда девочка обернулась, он прижал руку к сердцу и воскликнул: – Какая ты красавица! – Петра смутилась от неожиданного комплимента, но он тут же все испортил, сделав непристойный жест и цинично ухмыльнувшись.

В четырнадцатилетней Петре Манзи уже было что-то, неудержимо привлекающее внимание людей, особенно мужчин. Частенько она с трудом отделялась от неаполитанских мальчишек, и они преследовали ее всю дорогу домой, как собаки, взявшие след.

Несколько месяцев назад с девочкой стало происходить что-то непонятное, и она прибежала к тете Гемме, испугавшись, не началась ли у нее та же болезнь, которая погубила всю ее семью. Успокоив Петру, Гемма сказала:

– Ты уже женщина, а не девочка, дорогая. Сохраняй дар, посланный тебе Богом.

– Дар? Но у меня нет...

– У тебя есть чистота – девственность. Ни один мужчина еще не прикасался к тебе, а это очень ценно. Мужчина готов отдать все за такое сокровище. Но если ты не убережешь этот дар, отдавшись первому встречному, то поступишь как самая мерзкая проститутка в сточной канаве. Поэтому береги свое сокровище и не отдавай его никому, кроме мужа.

И Петра поклялась тетке, что сбережет свое сокровище.

В этот день девочка с тяжелым сердцем вернулась в магазин и тихо прокралась внутрь. Никого. Лена наверняка ушла на базар за продуктами. Петра направилась в мастерскую в дальней части дома, где обычно работал Джованни. Он и сейчас был там.

– Тебе незачем жаться по углам, детка, – сказал он, заметив Петру. – Лена успокоилась, и ты можешь остаться.

Девочка молчала, не зная, повезло ей или нет, что она остается у Лены. Постояв несколько минут, Петра пошла в магазин обслужить редких в это время дня покупателей.

Стоя за прилавком, она оглядывала полки. Разрешат ли ей выбрать подарок или лучше сразу забыть про день рождения?

Зазвенел колокольчик, и Петра увидела в дверях женщину ослепительной красоты и элегантности, в закрытом летнем платье из тончайшего зеленого батиста, украшенного фиолетовыми лентами. Темно-пурпурные бархатные полосы обрамляли лиф. Казалось, она сошла с картинки, и от нее пахло фиалками.

– Добрый день, синьора. – Петра присела в реверансе и, взглянув на свое заношенное платье, смутилась. Снова подняв глаза, она заметила, что следом за дамой появился мужчина в сером костюме и в шляпе. Он держал в руке трость с золотым набалдашником. Девочка никогда еще не видела такого интересного мужчину с густыми серебристо-седыми волосами, зачесанными назад, с глазами цвета зимнего неба, полными губами и очень светлой кожей. Петра смотрела на него во все глаза.

– Я – герцог ди Монфалко. – Чуть кивнув, он указал тростью на костяные пряжки на полке. – Я хотел бы взглянуть вон на те...

Он говорил по-итальянски без неаполитанского акцента, и его голос звучал очень мелодично. Все в нем восхищало Петру. Герцог! И как это он забрел в такую маленькую и дешевую лавчонку?

Наконец к Петре вернулся дар речи.

– Я позову хозяина.

– Нет, останьтесь, – властно сказал посетитель. – Я хочу, чтобы меня обслужили вы.

Петра заметила, что он в упор смотрит на нее. Девочка и сама не могла отвести взгляда от этого мужчины – его глаза, как магниты, притягивали ее. Однако, вспомнив о пряжках, Петра направилась к полке.

– Что ты о ней думаешь? – услышала она тихий голос герцога.

Когда девочка вернулась к прилавку, элегантная женщина взяла ее за руку, развернула к себе лицом и внимательно оглядела.

– Прекрасно, великолепно, – проговорила она. – Изумительная фация, – с улыбкой добавила женщина и покачала головой. Изумрудное ожерелье сверкнуло зеленым огнем. Рука в перчатке приподняла подбородок Петры. – Да, очень изысканно.

Девочка не понимала ни слова, поскольку посетительница говорила по-французски. Петра слышала, как на таком же языке объяснялись матросы, приплывавшие из Марселя, но в устах красивой женщины он звучал гораздо изысканнее.

– Я возьму их, – сказал герцог, даже не взглянув на коробку с пряжками. Он смотрел только на Петру.

Услышав чужие голоса, Джованни вышел из мастерской, узнал герцога и смущенно поклонился.

– Я кое-что купил, – сказал герцог. – Доставьте завтра. В шесть.

– Конечно, ваша светлость, – с готовностью отозвался Джованни. – Я сам принесу.

– Нет. Пусть принесет девушка. – Герцог вышел, а его спутница, посмеиваясь, последовала за ним.

– Ну и ну, – протянул Джованни. – Какое счастье свалилось на тебя, милая. Завтра увидишь дворец Монфалко. Говорят, он огромный.

– С ним была герцогиня? Джованни засмеялся:

– Конечно, нет. Герцог никогда не привел бы жену в подобное место, к тому же, я слышал, она живет за городом. А это – его любовница, Мария Бланко, известная оперная певица.

– Она очень красивая. Кажется, я понравилась ей... Джованни улыбнулся ее детской наивности.

– Ты всем нравишься. Возможно, она будет там, когда ты принесешь пряжки во дворец.

– Дворец! – воскликнула Петра, провожая взглядом экипаж герцога, запряженный парой серых лошадей. – Дворец! – повторила она. Это слово звучало для нее более чем необычно.

Увидев дворец Монфалко, Петра замерла. Он стоял среди холмов над Неаполитанским заливом, розовый, с красной черепичной крышей и с остроконечными башенками. Дворец окружали великолепные деревья и кустарники с розовыми и пурпурными цветами. Возле фасада стояли мраморные статуи.

Девочка заставила себя подойти ближе. Джованни, строго-настрого запретив ей входить через парадную дверь, велел найти вход для слуг.

– А, ты служишь в лавке, где торгуют кораллами! – сказала полная женщина, открыв дверь. Петру немного удивила простая одежда и просторечный говор служанки, ибо она ожидала, что все здесь будет как в далеких заморских странах. Женщина внимательно оглядела Петру. – Герцог велел отвести тебя в музыкальную комнату. Гвидо!

Юноша чуть старше Петры провел ее через огромную кухню, по коридору с множеством дверей, и наконец она оказалась в зале с высоким сводчатым потолком и хрустальной люстрой, такой большой и тяжелой, что было страшно пройти под ней. На стенах висели темные портреты в позолоченных рамах.

Петра слышала музыку. Гвидо открыл двойные двери, и музыка стала громче. В этой комнате все было белым: стены, потолок, мебель. Исключение составляли только позолоченная арфа в углу и дверные ручки. Над камином висело зеркало необыкновенного размера.

Возле окна, выходящего на море, сидел за белом роялем герцог. Глаза его были закрыты.

Петра слышала, как тихо закрылась дверь, и поняла, что слуга ушел. Девочка немного испугалась, но музыка успокоила ее. Осмелев, она подошла к роялю. Длинные тонкие пальцы герцога, казалось, летали по клавишам. Музыка звучала все бравурнее, темп ускорялся, а герцог, играя, так встряхивал головой, что его шелковистые седые волосы упали на лицо.

Но вот замер последний аккорд, герцог открыл глаза и увидел перед собой удивленную девочку.

– Вы играете, синьорина? – спросил он. Петра покачала головой. – Нет, конечно же, нет. А не хотите ли научиться?

Сидеть за прекрасным инструментом в великолепной комнате и исполнять чудесную музыку... да, ей бы очень хотелось научиться играть. Но Петра только сделала реверанс и протянула герцогу коробочку.

– Пряжки, ваша светлость.

Он взял коробочку и не глядя отложил ее, а девочка тут же убрала руки за спину. Хотя она постоянно мыла и терла их, ногти после грязной работы не отчищались.

Герцог подошел к столу, на котором стояли графин и несколько хрустальных бокалов.

– Как тебя зовут, дитя мое? – спросил он, наполняя бокалы вином цвета расплавленного золота.

– Петра.

– Ах да, – пробормотал герцог, будто слышал ее имя раньше. – Не выпьешь ли вина, Петра?

– Нет, ваша светлость. Я должна вернуться в магазин.

– Пожалуйста, возьми... – Он протянул ей бокал. – Не спеши. Твой хозяин знает, что ты у меня. Уверен, он мечтает, чтобы я стал его клиентом. Если ты побудешь немного со мной, я, возможно, снова зайду в лавку и что-нибудь куплю...

Петра смущенно потупилась. Зачем ее задерживают, ведь поручение уже выполнено? Герцог снова протянул ей бокал.

– Ты когда-нибудь пила вино?

Она кивнула. Каждый неаполитанский ребенок, даже самый бедный, был знаком со вкусом вина почти с раннего детства.

– Держи и пей его медленно. Это особое вино, называется «Слезы Христа». Оно тебе понравится, потому что сделано из винограда, растущего на склонах Везувия.

Смущение Петры усиливалось. Неужели герцог знает день ее рождения и совпадение дат? Эта мысль пугала и восхищала девочку. Со странным чувством Петра потянулась к бокалу.

Подождав, пока герцог сделал первый глоток, она пригубила вино, держа тонкий бокал так осторожно, словно боялась, что он лопнет в ее руках. Прохладное и тонкое вино совсем не походило на то, что обычно подавали за столом у Сакко. Девочка закрыла глаза, желая просмаковать его. Открыв их, она увидела, что герцог улыбается.

– Кажется, ты умеешь наслаждаться вином, Петра.

– Я... мне надо идти, – совсем смешавшись, пробормотала девочка.

– Тебе здесь так не по душе, Петра, что ты норовишь поскорее улизнуть?

– О нет. Здесь очень красиво.

– Ты видела далеко не все. Останься со мной... здесь есть на что посмотреть... и что попробовать... и чему поучиться.

Пораженная Петра не сразу нашлась что ответить.

– Не понимаю, почему я заинтересовала вас? Не все ли вам равно, как мне живется и что я вижу вокруг? Зачем вам учить меня? – Испугавшись своей дерзости, Петра прикрыла рот рукой, но герцог понимающе кивнул.

– Посмотри вокруг, дитя мое. Ты сама сказала, что здесь красиво. Мне всегда хотелось окружить себя красивыми вещами, но сами по себе они ничего не значат. Это зеркало... Ведь когда-то стекло было обычным песком на пляже, а золото, обрамляющее его, лежало в земле, и только потом талант мастера превратил все это в произведение искусства. Творить красоту – наслаждение. Я хотел бы сотворить тебя.

– Как это? Зачем?

– Затем, что мне больше нечем заняться.

Петра огляделась, внезапно задумавшись о том, почему она здесь очутилась. Решив, что все вокруг чужое и надо поскорее вернуться домой, она направилась к двери.

Но герцог, нагнав ее, схватил за руку.

– Уверен, ты думаешь, что ты такая как есть и никогда не станешь лучше...

Подведя девочку к зеркалу, он заставил ее посмотреть на себя.

– Неужели от тебя скрыто то, что бросается в глаза всем? Или твой взгляд застлан туманом бедности, невежества и отчаяния? Ты великолепна, крошка. Чудо! Увидев тебя, я понял, что могу сделать из тебя совершенство.

Растерянная Петра тряхнула головой. В зеркале отражались только грязное лицо и взлохмаченные волосы. И еще грязные ногти.

– Пожалуйста, ваша светлость, не вселяйте в меня несбыточную надежду.

– Я сделаю все, что обещал. Посмотри...

Герцог достал из кармана грязный серый камешек размером с голубиное яйцо и протянул его девочке. Просто камень. Петра раскрыла ладонь.

– То, что ты сейчас видишь, – проникновенно начал герцог, – это гладкий и ничем не примечательный камень. Но внутри его таится чудо, ожидающее прикосновения талантливого художника. Придет время, и человек изучит камень, сделает точные измерения, использует знание физики и математики. Он должен иметь смелость и большое терпение. А потом... позволь показать тебе результат.

Герцог подошел к рабочему столу, выдвинул ящик и достал бархатный мешочек. С магической быстротой он взял у нее серый камень и высыпал на ладонь содержимое мешочка. Большой ограненный бриллиант засверкал разноцветными огнями.

Петра не могла отвести глаз от драгоценного камня. Он завораживал ее своим таинственным мерцанием. Девочке казалось, что нестерпимый блеск обжигает кожу.

– Алмазы нужны только для того, – ласково продолжал герцог, – чтобы дарить удовольствие. Он нравится тебе?

– О да! – прошептала девочка. – Да!

– Ты – неограненный алмаз, Петра. Я разглядел в тебе красоту. Однако необходимо поработать, чтобы заставить ее сверкать. Я могу сделать это.

Сбитая с толку, Петра оторвала взгляд от бриллианта и посмотрела на герцога:

– Как?

– Привить тебе представление о красоте и наслаждении. О том наслаждении, которое женщина способна дать мужчине – и получить от него. Это тоже искусство, возможно, величайшее из всех. Ты создана для любви, Петра. Я сделаю тебя жрицей любви, ты будешь блистать в Неаполе, нет, во всей Италии. – Прищурившись, герцог наблюдал, как действуют на девочку его слова. Петра была растерянна. – Если доверишься мне, станешь моей ученицей и разрешишь научить тебя любить и быть любимой, бриллиант будет твоим.

Она вспомнила слова тети Геммы. У нее есть свой собственный дар. Стоит ли продавать самое ценное сокровище, чтобы удовлетворить прихоть герцога?

Выражение его лица испугало Петру. Протянув руку, чтобы вернуть ему бриллиант, она почувствовала, какой холодной и пустой стала ее ладонь. Когда он взял бриллиант, день словно померк.

– Уже поздно, – прошептала Петра. – Мне пора.

– Да, малышка, иди. Но когда решишься, возвращайся. – Она направилась к двери. – И еще, – добавил он, – вернувшись, войди через парадную дверь дворца.

Считалось, что Неаполь – город дворцов и церквей. Покинув дворец, Петра побежала в Спакка, в церковь ее детства. Внутри было сумеречно, прохладно и тихо. Недавно закончилась месса, и в воздухе плыл запах ладана. Подойдя к статуе Святой Девы, Петра зажгла свечку и опустилась на колени.

– Святая мать, благословенная Дева... – начала она и запнулась, не зная точно, о чем хочет попросить. Пожалуй, о смелости... Но какой? Смелости отвергнуть предложение герцога или принять его? – Дай мне знак, – прошептала девочка.

Петра услышала голос, но не Святой Девы. В ее мозгу прозвучали слова тетки: «Девственность – это сокровище...» Глядя на огонек свечи, Петра воображала, что это свет ее сокровища, дар, который она отдаст только мужу.

Однако бриллиант сверкал перед мысленным взором девочки, завораживающий, искушающий и яркий, как солнце. Ее собственное сокровище казалось в сравнении с ним чем-то призрачным и безжизненным. Петре безумно хотелось верить, что герцог раскроет в ней красоту, как художник, преображающий в бриллиант грязный камень.

Но даже если это удастся герцогу, стоит ли ради чего-то такого терять свою душу?

Стена позади Святой Девы была покрыта маленькими серебряными украшениями, оставленными в благодарность за исцеление от болезней. На каждом было написано: «За исполненные просьбы».

– Почему ты никогда не выполняешь мои просьбы? – Петра ударила кулаком по деревянному барьеру.

И вдруг она подумала: а что, если предложение герцога и есть ответ на ее просьбы? Она станет лучше, многому научится, будет жить в окружении красоты, а не в убожестве. И тогда найдет, а не потеряет свою душу.

Свеча догорала, и в колеблющемся пламени губы Святой Девы зашевелились: «У тебя есть свое сокровище, Петра, более ценное, чем алмазы. Не отдавай его так легко».

– Так я и поступлю. – Девочка тяжело вздохнула и встала. Все останется по-старому, как советуют ей Святая Дева и тетя Гемма. Она больше не увидит дворец Монфалко.

Но это решение не приободрило Петру. Напротив, она медленно плелась по улице, думая, что никогда еще не была так несчастна.

Войдя в пустую лавку, Петра услышала громкие голоса Лены и Джованни, доносившиеся из их комнаты, и поняла, что они ссорятся.

– Сутенер! – закричал Джованни, вообще-то редко повышавший голос. Петра испуганно прислушалась. – Ты хуже шлюхи – общаешься с такими негодьями, как Хамак!

Хамак? Конечно, Петра знала о турке Ругейро Хамаке. А кто не знал его? Он был замешан во все грязные делишки в порту.

– Я хочу избавиться от нее! – завопила Лена. – Тогда она больше не сглазит меня, а мы к тому же получим деньги!

Святая Мария! Они ссорятся из-за нее, Петры!

– Я не возьму эти грязные деньги!

– Но ты возьмешь золото герцога за пряжку! Что плохого, если он платит Хамаку за девочку, а Хамак платит мне? Пусть она достанется герцогу, Джованни. Она ведьма!

– Это ты старая бесплодная карга. Ты ненавидишь девочку только потому, что я люблю ее. Для тебя ненависть – хлеб насущный. Неудивительно, что не можешь забеременеть. Да будь проклята такая мать!

Лена пронзительно закричала. Доски наверху заскрипели, шаги приближались к лестнице. Петра, охваченная страхом, спряталась за прилавок.

С пылающим от ярости лицом Лена ворвалась в комнату. За ней следовал Джованни, размахивая мешочком с монетами.

– Завтра же! – крикнул он. – Завтра же отдашь деньги этому своднику. Петра не вещь, которую можно продать или купить!

И тут Лена увидела Петру. Вот виновница всех ее несчастий – только она одна! Бешенство охватило ее. Лена бросилась на кухню и тут же вернулась, крепко сжимая в руке большой нож.

– Ааааа! – завопила она и кинулась на девочку. Остолбеневшая от ужаса, Петра не могла двинуться с места.

– Нет! – крикнул Джованни, вдруг разгадав намерение жены. Он крепко обхватил ее, но рука Лены стремительно опустилась, и нож вонзился в сердце Джованни.

Он пошатнулся, дернулся и осел на пол. Из его горла вырвались булькающие звуки, и из глубокой раны хлынула кровь.

Петра упала на колени рядом с ним.

– Нет, – застонала она. – Синьор Сакко... вставайте. – Девочка прижала руки к ране, пытаясь остановить кровь, но та заливала ее.

– Убийца... – безумным голосом протянула Лена. Подняв голову, Петра встретила ее взгляд, исполненный ненависти. – Ты убила его, ты убила моего Джованни! – Онемев от ужаса, девочка вскочила. – Убийца! Убийца! Она убила его, – не унималась Лена.

Не в силах вынести эту чудовищную картину, Петра, преследуемая криками Лены, убежала из магазина.

Через час после убийства Джованни она украдкой вернулась к лавке. Вокруг собралась большая толпа, и все считали Петру убийцей. Скоро ее начнут искать карабинеры.

У девочки не было друзей, к которым она могла бы обратиться за помощью. Несколько месяцев назад тетя Гемма с детьми уехала на Север в поисках работы. Петра не решалась пойти даже в церковь, поскольку ее одежда была залита кровью.

Три дня она пряталась поблизости от порта в страхе, что ее найдут, и чувствовала себя глубоко несчастной и всеми покинутой. Ночи девочка проводила в самых мрачных закоулках и питалась отбросами, подобранными на рынке после его закрытия.

Безумный страх сменился безнадежной тоской. Во всем Неаполе только Джованни Сакко заботился о ней. Сейчас и его не стало. И ей некуда идти.

– Я Петра, камень, – повторяла она снова и снова, но слова больше не помогали.

В эти тяжелые дни и еще более тяжелые ночи Петру спасало лишь воспоминание о бриллианте, сверкающем, манящем, гипнотизирующем. Этот камень стал единственной реальностью, внушавшей Петре доверие.

И вот, лишившись сил, без всякой надежды на помощь, изнемогая от усталости и дрожа от голода, Петра побрела к дворцу герцога.

С трудом подняв тяжелый молоток на двери, она постучала. Слуга открыл дверь и провел девочку в комнату, где в кресле возле камина сидел ее будущий повелитель. Увидев дрожащее грязное создание, герцог протянул к ней руки.

– Ты пришла, – сказал он, и Петра потеряла сознание.

Глава 5

Она проснулась с обычной молитвой на устах:

– Святая мать, спаси меня...

И ее молитва была услышана. Открыв глаза, Петра увидела небесно-голубой шелковый балдахин над огромной мягкой постелью. Она лежала в чистой белой сорочке на простынях из мягкого льна.

Девочка не сразу вспомнила, как оказалась здесь.

– Добрый день, синьорина.

В спальню вошла служанка – рослая, широколицая, румяная девушка. В руках она держала поднос с фруктами, сыром, хлебом, яйцом в специальной подставке.

– Я Антония, горничная. Вы хорошо поспали, сейчас уже полдень. – Она налила горячий шоколад из серебряного чайничка. С наслаждением вдохнув давно забытый запах, Петра одним махом осушила чашку. – Герцог рано утром уехал в город и сказал, что встретится с вами вечером. Когда позавтракаете, я помогу вам облачиться в новую одежду.

– Новую одежду? – робко переспросила девочка. Горничная улыбнулась, подошла к огромному шкафу и открыла дверцы. Он был заполнен платьями – мягкий шелк, нежный хлопок, блестящий бархат, блузки из кружев и парчи, пушистые шерстяные шали. Внизу стояли туфли и ботинки самых разных цветов. На полках лежало кружевное белье.

– Сегодня вы наденете это. – Антония вынула светло-зеленое муслиновое платье с приколотой к талии шелковой розой. Такого красивого платья Петра в жизни не видела.

Девочка боялась даже прикоснуться к нему.

– Это не для меня, – прошептала она.

– Тогда останетесь без одежды, так как герцог велел мне сжечь лохмотья, в которых вы явились. А это платье уже неделю ждет вас.

Неделю? Но почему?

И вдруг Петра вспомнила слова Лены о том, что Хамак – посредник между ней и герцогом. Но даже если это правда, герцог точно не знал, придет ли она к нему. Неужели он так богат, что купил горы одежды просто на всякий случай? Петра постаралась избавиться от этих неприятных мыслей.

Разглядывая свои обновки, девочка удивлялась разнообразию нижнего белья, представшего ее взору, корсетам и муслиновым лифчикам, трусикам, турнюрам из конского волоса, расшитым тончайшим чулкам и множеству нижних юбок. Без помощи Антонии она бы ни за что не справилась. Недаром все дамы, которые носят такие замысловатые вещицы, имеют горничных.

Потом Антония сделала девочке прическу. Взглянув в зеркало, Петра онемела от изумления.

– Герцог будет доволен. – Антония улыбнулась и ушла.

Петра не отрывала глаз от зеркала. Она то сидела, внимательно разглядывая себя, то поднималась, то подходила ближе, желая удостовериться, что это ее отражение. Возвращаясь, девочка опять опускалась в кресло и старалась при этом не помять платье. Через какое-то время Петра начала понемногу привыкать к своему новому облику. Ей все больше хотелось понравиться герцогу.

Ближе к вечеру, когда солнце опустилось в залив, Антония принесла большую тарелку с рыбой, несколько кусков хлеба и стакан вина. Петра быстро поела под пристальным взглядом горничной. Отодвинув пустую тарелку и сняв салфетку, девочка внезапно разрыдалась.

– Что случилось? – встревожилась Антония. Глотая слезы, Петра показала, что, несмотря на салфетку, запачкала платье.

Горничная засмеялась:

– Не беспокойтесь, дорогая. Вам все равно придется переодеться. Пора готовиться к приходу герцога.

Удивленная, девочка перестала плакать. Разве она не готова? Какая странная жизнь ее ожидает! Неужели она должна надевать прекрасные платья только для того, чтобы сидеть одной в комнате?

Боясь рассердить Антонию, Петра полностью отдалась в ее власть. Горничная сняла с нее платье и посадила в ванну, которую поставили перед камином и наполнили подогретой водой. Моя девочка, Антония рассказывала ей о своей жизни во дворце. Потом она вытерла Петру полотенцем, расчесала ей волосы, втерла в кожу какую-то мазь и побрызгала духами.

Девочке не верилось, что Святая Дева так быстро исполнила ее просьбу. Наверное, все это только сладкий сон, и скоро она проснется на холодной земле, ее задержат карабинеры и обвинят в убийстве.

Однако сон продолжался.

Антония принесла ей просторное платье из тончайшего китайского шелка, красное, как спелый помидор, и расшитое цветами.

– Герцог хочет, чтобы вы надели это.

Горничная задернула шторы, зажгла свечи и удалилась. Спустя некоторое время в комнату вошел герцог. Догадываясь, чего именно от нее ждут, Петра легла на постель. Посмотрев на девочку, герцог рассмеялся.

– О, моя дорогая, ты вытянулась как доска! Думаешь, я любитель забивать в доску гвозди?

Петра тут же вскочила, огорченная и встревоженная. Волшебный сон продлится... только если она сумеет доставить удовольствие своему повелителю.

Герцог протянул ей руку:

– Пойдем.

Опустившись в кресло возле камина, он посадил девочку на колени и начал тихо нашептывать ей ласковые слова и гладить волосы. Успокоившись, она обвила руками его шею.

– Ты как шкатулка с драгоценностями, котенок, – прошептал он. – Твой облик прекрасен, но то, что таится внутри, еще лучше.

Петра наслаждалась теплом и ощущением безопасности.

И тут герцог сунул руку под юбку и погладил бедро девочки. Она напряглась.

– Не бойся, дорогая. Бог возлюбил тебя, если создал твое тело таким прекрасным. Гордись своей красотой, Петрина.

Никто не называл ее так после смерти отца. Петра чуть не заплакала, но тут герцог коснулся ее соска, и девочку охватили острые, неведомые прежде чувства.

– Да, – улыбнулся он. – Привыкай наслаждаться.

Она ощущала необычное, но чудесное тепло, волнение, трепет. Наверное, это действительно дар Бога. Ведь иначе ей не было бы так хорошо.

Наконец герцог встал, поднял девочку на руки, перенес на кровать и снял с нее платье. Петра инстинктивно закрылась руками.

– Нет, дорогая. – Он отвел ее руки. – Никогда не стыдись своей красоты. – Отступив на шаг, герцог залюбовался ею. – Ты еще прекраснее, чем я предполагал. – Накрыв ладонями грудь Петры, он легонько провел пальцем по соску.

Молнии пронзили ее лоно, но боль была слишком сладостной, чтобы желать избавиться от нее.

– Петра, – шепнул герцог, – если ты велишь мне уйти, я уйду. Я хочу, чтобы ты доверяла мне... желала меня.

Девочка посмотрела на герцога и подумала о холодном мире за окнами дворца, куда ей придется вернуться, если она разочарует его, о платьях в шкафу... о нежности этого человека и о новых чудесных ощущениях, которые только что испытала.

– Не уходи, – попросила Петра.

– Тогда отправимся в путешествие, – лукаво сказал он и поднял два пальца. – Это мои исследователи, дорогая. – Герцог приложил их к губам Петры. – Они собираются в путешествие по Италии. Здесь, – пальцы прошлись по ее груди, – прекрасные Альпы с их высокими пиками и долина Валле-д'Аоста у подножия.

Петра закрыла глаза и отдалась новым ощущениям.

– А здесь, – его рука скользнула ниже, – плодородная земля Ломбардии и Тосканы. – Погладив ее живот, герцог улыбнулся, ибо Петра раскрылась ему навстречу. – Вот здесь растет виноград, сладкий и вкусный, из него делают вино, которое заставляет мужчину забыть все тревоги. Оно течет вниз, к дельте, вот сюда. – Он провел рукой по внутренней части бедра. Петра невольно начала извиваться и постанывать от удовольствия.

Его пальцы приблизились к треугольнику курчавых черных волос.

– Наконец, – прошептал он срывающимся голосом, – мы пришли к святому городу Риму. Пилигрим ищет вход в святой склеп. – Герцог облизнул палец и скользнул им глубоко внутрь.

Она громко вскрикнула от наслаждения и, широко открыв глаза, выгнулась навстречу ему.

– Шш, милая Петрина.

Она сжала бедра, желая продлить это чувство.

– Подожди. – Герцог убрал руку, привстал и, быстро скинув парчовый халат, склонился над Петрой. Она не сводила взгляда с его большого возбужденного пениса.

– Коснись его, – попросил он.

Девочка робко обхватила пенис и почувствовала, как он пульсирует. Герцог застонал, и Петра испугалась, что сделала ему больно, но он раздвинул ей ноги и прижал пенис к ее лону. В ней бушевал огонь желания, она была возбуждена до предела, хотя и замирала от страха. У Петры вдруг мелькнула мысль, что такой огромный пенис в ней не поместится. Она попыталась оттолкнуть герцога, но он крепко прижал ее к себе. Потом резко и неожиданно вошел в нее, преодолев все барьеры, и плотина прорвалась.

Она испытала не слишком сильную боль. Герцог замер, и боль постепенно утихла. Потом он начал медленно двигаться в старом, как мир, ритме. Петра вдруг заплакала.

Темп нарастал. Ей было все еще больно, но она не сопротивлялась. Лицо герцога покраснело, дыхание участилось, на лбу и над верхней губой выступил пот. Потом он напрягся всем телом и содрогнулся. Из груди его вырвался стон. Петра чувствовала, как глубоко внутри ее пульсирует его пенис. Через несколько секунд герцог рухнул на постель, слабым движением пригладил Петре волосы и прошептал:

– Моя радость. Моя драгоценность.

Петра ощутила, как из нее что-то течет, и быстро опустила взгляд. Кровь запачкала белые простыни. Девочка испугалась, что герцог рассердится на нее.

Но он мягко улыбнулся.

– Кровь девственницы святая. – Он привстал на колени, опустил голову и слизнул последние капли. – Спасибо тебе, дорогая. Ты подарила мне блаженство.

Кровотечение прекратилось, но герцог продолжал лизать. Боль ушла, и сейчас Петру охватило еще большее возбуждение. Испуганная, она попыталась оттолкнуть герцога, но он мягко остановил ее.

Его язык дразнил Петру, пока она в изнеможении не откинулась на подушки. Он сжал ее соски, твердые, как маленькие алмазы. Петра подняла бедра навстречу его рту и вскоре вознеслась на вершину блаженства. Вспыхнув где-то внутри, оно распространилось по всему

телу. Она извивалась и кричала, захлестнутая волной наслаждения, и долго еще потом рыдала, а герцог нежно обнимал ее, убаюкивал и успокаивал, как ребенка. Придя в себя, Петра с удивлением осознала, что не чувствует стыда, только покой и любовь. Ушли печаль и оцепенение, которые, казалось, навеки поселились в ней после смерти Джованни.

Она знала, что перешла барьер и к прошлому нет возврата.

На следующее утро Петра проснулась одна с ощущением радости и умиротворения. В комнату вошла Антония с подносом, на котором, кроме завтрака, стояла ваза с одной розой. Среди лепестков, как капля росы, сверкал ограненный бриллиант.

Взяв его, девочка вскочила и побежала к окну, чтобы полюбоваться камнем на ярком солнце. Отраженный солнечный свет ослепил Петру. Она покатила камень между ладонями, потом лизнула, желая попробовать его на вкус. Ее бриллиант! Чистый, как солнечный свет. Петра заплясала от радости.

И вдруг, обернувшись, она увидела герцога. Он стоял на пороге комнаты, наблюдая за ней, и тихо смеялся.

Петра в порыве нежности подбежала к нему.

– Он мой, правда?

– Разве я не обещал подарить его тебе? Она прижала камень к груди.

– Ничего прекраснее у меня не было. Я так счастлива! Герцог обнял ее.

– Я еще счастливее, ведь у меня есть ты, моя маленькая голубка.

Впервые ее называли голубкой.

Она стала наложницей герцога. Хотя, конечно, не единственной, но самой любимой. Он перевез Петру на одну из своих небольших вилл, на побережье к югу от Неаполя, поскольку не мог оставить ее во дворце Монфалко – из сицилийского поместья должна была приехать герцогиня.

Герцог навещал Петру часто и всегда дарил ей что-то красивое. Он учил девочку определять ценность вещи, отличать шелк от хлопка, золото от позолоты, Тициана от Тьеполо. Иногда с ним приезжала Мария Бланко, вскоре подружившаяся с Петрой.

– Она может многому научить тебя, Коломбина, – сказал однажды герцог.

Дом стоял над морем, и Петра с наслаждением смотрела на волны, наблюдала, как меняется цвет воды, восхищалась величественной красотой. Сюда не доносился шум Неаполя, к которому она привыкла с детства. Даже визгливый голос Лены Сакко стерся из ее памяти. Сейчас Петра слышала только тихие голоса слуг и равномерный шум волн.

Тишина вошла и в душу Петры и вылечила ее. Страх перед карабинерами, которые отвезут ее в тюрьму, исчез. Однажды жаркой ночью, лежа в объятиях герцога, Петра поведала ему, как боялась, что ее арестуют за убийство Джо-ванни.

– Не думай об этом. Ты под моей защитой. – Потом герцог сказал, что все уже прояснилось, и Лену, признавшуюся в содеянном, поместили в сумасшедший дом.

Петра всплеснула руками от радости, но герцог остановил ее:

– Нет, Коломбина, не надо. Никогда не злорадствуй над несчастьями других людей. Колеса вертятся по кругу...

Она всегда слушалась герцога, не все понимая, но стараясь запомнить его уроки. Петра была толковой ученицей.

Вскоре в доме появились учителя – выпускники неапольского университета. Петра чувствовала на себе восхищенные взгляды молодых мужчин с волнистыми волосами и насмешливыми темными глазами, но никогда не поощряла их ухаживаний. Она твердо знала, что принадлежит герцогу, как, впрочем, и они.

Ей нравилось учиться. Петра полюбила литературу, историю и философию, с удовольствием занималась математикой и музыкой, астрономией и французским языком.

– Я горжусь тобой, – сказал герцог прохладным осенним вечером, когда они ужинали на террасе над морем. – Мы вместе почти шесть месяцев, и ты оправдала все мои ожидания.

– Я боюсь наскучить тебе. – Петра, элегантно очистила артишок и окунула его в масло.

– Милая, ты никогда не наскучишь мне. – Герцог скормил ей еще один артишок, и когда масло потекло по подбородку, наклонился и слизнул его. – Восхитительно!

Час спустя он облизывал части ее тела, не запачканные маслом, преподавая еще один урок, который не доверял никому, – искусства чувственного наслаждения.

Эти уроки занимали долгие часы – Петра осваивала прикосновения и запахи, музыку нежных слов, возбуждение и расслабление, узнавала, как дразнить ложными надеждами и сразу отдаваться, когда следует прятаться, а когда раскрываться, как весенний цветок.

Она уделяла пристальное внимание каждой детали. Петра мечтала нравиться человеку, который вырвал ее из пут отчаяния и дал так много. И, доставляя удовольствие ему, она испытывала радость. Вскоре Петра со смехом вспоминала глупышку, которая спрашивала Святую Деву, не потеряет ли душу, если отдастся герцогу.

Она провела в прекрасном маленьком дворце почти два года, когда однажды вечером, гуляя с ней в саду, герцог сказал:

– Скоро твой день рождения, Коломбина. Я хочу устроить праздник.

– Эдуардо, ты слишком добр...

Герцог улыбнулся, удовлетворенный тем, что Петра усвоила сдержанность и хорошие манеры.

– Через две недели, дорогая, в театре «Сан-Карло» будет премьера оперы...

Петра просияла. Опера! Она вспомнила вечер, когда стояла в тени колонн, наблюдая за нарядными людьми, входившими в театр. В ту пору Петра даже не мечтала оказаться среди них. И ни разу не посмела попросить об этом герцога. А сейчас он сам пригласил ее! Эдуардо угадывал самые заветные ее желания, даже невысказанные. Она смотрела на него с восхищением, а он продолжал:

– Мария будет петь в «Риголетто» вместе с Ланконой. Тебе понравится. Многие считают Этторе Ланкону самым великим тенором всех времен, ну а Мария, конечно, бесподобна. Пожалуйста, посмотри заранее партитуру с учителем музыки, и тогда ты по-настоящему оценишь оперу. Кстати, тебе нужно новое платье. Завтра я пришлю портного.

Петра схватила его за руки, и они закружились, весело смеясь и целуясь.

– Это будет мой самый прекрасный день рождения! – Петра задыхалась от волнения. – Самый расчудесный. – Ее переполняло желание выразить герцогу благодарность. – Пойдем наверх, Эдуардо. Позволь и мне сделать тебе подарок.

В спальне он обнял ее.

– Нет, – возразила Петра. – Ты всегда был моим учителем, а сегодня предоставь инициативу мне. – Она легонько подтолкнула его к широкому креслу рядом с камином, налила ему бокал вина, а сама присела к туалетному столику и начала представление, в основе которого лежал еще не слишком богатый опыт, чтение любовных романов, разговоры с Марией и... желание понравиться. Но прежде всего Петрой руководил инстинкт, свободный от любых запретов.

Петра вынула гребни и тряхнула головой. Темные локоны пушистым облаком окутали ее. Напевая какую-то мелодию, она встала, томно сняла нижние юбки, и они с тихим шелестом упали к ее ногам.

Герцог откинул голову и прищурился, наблюдая за каждым ее движением и медленно потягивая вино. Посмотрев на его бедра, Петра улыбнулась: ее усилия не пропали даром.

Подойдя к герцогу, она повернулась к нему спиной.

– Расшнуруй мне платье. – Герцог поднялся и освободил ее от одежды. Он оставил на Петре только кулон, подаренный им неделю назад, – изумруд на золотой цепочке.

Петра расстегнула его сорочку и запустила пальцы в жесткие волосы на груди. Потом, притянув герцога к себе, выпустила на волю то, что более всего интересовало ее. Опустившись на колени, Петра провела языком по пенису, будто пробуя на вкус экзотический фрукт. Потом снова усадила герцога в кресло и опустила на него сверху. Минуту она сидела неподвижно, затем начала двигаться, грациозно, как в танце. Впервые в их любовной практике Петра сама устанавливала ритм и видела, что это возбуждает герцога больше обычного.

Наблюдая за ним, за его лицом, дыханием, даже сердцебиением, она старалась доставить наслаждение и ему, и себе. Их одновременно захлестнули волны экстаза, взорвавшиеся ослепительным фейерверком.

Отдышавшись и придя в себя, герцог с удивлением сказал:

– Ты великолепна, маленькая голубка! Я сотворил совершенную женщину и могу считать, что выполнил свое назначение в жизни.

– Я благодарна тебе, Эдуардо. Ты действительно создал меня, и я всегда буду любить только тебя.

– Нет, Коломбина.

Пораженная горечью в его голосе, Петра посмотрела на герцога. Он печально улыбнулся.

– Ты еще очень молода, Петрина. Я знаю о мире больше, чем ты, поэтому уверен, что однажды ты покинешь меня.

– Нет, Эдуардо. Никогда!

– Тихо. – Он пригладил ее волосы и нежно провел пальцем по щеке. – Ты уйдешь от меня, моя любовь, потому что должна это сделать. Разве я мог сотворить тебя только для себя одного? Придет день – а он обязательно придет, – и ты пожелаешь большего. Я не буду стоять на твоём пути.

Петра попыталась возразить, но герцог приложил палец к ее губам.

– Кто-то однажды предложит тебе лучшее будущее, чем могу предложить я, и ты обрадуешься этому, потому что я научил тебя ценить каждое мгновение жизни. Ты дала мне очень ценный дар, моя Петра. Твоя свобода – это мой дар тебе.

Она испугалась, ибо не могла представить себе жизнь без того, кто стал средоточием ее мира, и крепко прижалась к герцогу.

– Не говори о будущем, – попросила Петра. – Есть только настоящее. Люби меня снова... и снова.

– С наслаждением, синьорина. – Герцог сжал ее в объятиях.

Оставалось две недели до дня рождения, а Петра уже довела портного почти до безумия своими идеями, фантазиями и капризами. Сделав дюжину эскизов, она наконец решила, что должна выглядеть старше и гораздо опытнее, чем на самом деле. Ей хотелось ощутить себя искушенной женщиной, как те, кого она видела той давней ночью, когда пряталась около театра.

В конце концов Петра остановилась на платье из переливчатого фиолетово-голубого шелка с глубоким декольте, отделанным серебристым кружевом. Четыре дня она расхаживала по дому в новом наряде, пока не убедилась, что не наступит на широкую юбку и не упадет на ступеньках театра.

В назначенный вечер герцог приехал за ней в большой карете, запряженной парой белых жеребцов. Петра спустилась навстречу ему в холл, прикрыв плечи накидкой из русских соболей и натянув длинные шелковые перчатки голубино-серого цвета. Антония уложила ее волосы в высокую прическу, и локоны соблазнительно выбивались из-под венка с цветами апельсина. В ушах Петры сверкали бриллиантовые серьги, подарок герцога, в руках она держала шелковый веер, пользоваться которым ее научила Мария. Девушка сияла от счастья.

– Великолепно! – воскликнул герцог и достал из кармана небольшую коробочку, перевязанную серебристой ленточкой. – На память о сегодняшнем событии, – пояснил он.

Развязав ленточку, Петра увидела прекрасную брошь в форме птицы. Сердце было сделано из редкого розового бриллианта, а лапки – из рубинов.

– Знаешь про феникса, Петра?

– Это мифическая птица, восставшая из пепла?

– Сегодня вечером завершилось твое превращение. Ты восстала из пепла того ада, в котором родилась, и совершенно преобразилась. Поэтому феникс – твой символ. Ты всегда будешь высоко парить. – Он приколот брошь к накидке.

– Я люблю тебя, Эдуардо, – тихо сказала она.

– Я запомню это навсегда, – серьезно ответил герцог и посадил ее в экипаж.

Подъехав к театру «Сан-Карло», Петра постаралась сдержать свой пыл. Самый знаменитый оперный театр в Европе, более известный, чем «Ла Скала» или «Ла Фениче» в Венеции, сверкал огнями. Изысканно одетые дамы, украшенные драгоценностями, оживленно обменивались репликами перед началом спектакля.

– Внутри все из дерева, – объяснил герцог. – Даже мрамор – это искусно окрашенное дерево. Поэтому в театре такая великолепная акустика.

Когда они вошли в ложу, на них наставили множество серебряных лорнетов и театральных биноклей. Герцог кивнул одному или двум приятелям, а всех прочих словно не заметил. Богатый, изысканный, он появлялся в обществе с прекрасными любовницами и сразу становился центром внимания. Но сегодня на него смотрели с особым восхищением.

Петра пыталась держаться так же спокойно, как и ее спутник, хотя это давалось ей с огромным трудом. Девушка слышала тихие вопросы: «Кто она?» «Думаете, испанка?» «Посмотрите на волосы и осиную талию, – прошептала женщина в ближайшей ложе. – Она, должно быть, родственница императрицы Елизаветы».

Герцог взял накидку Петры, и она улыбнулась ему так ослепительно, что мужчины, видевшие это, затрепетали от восхищения.

– Я хочу послушать Ланкону, – сказал герцог, усаживая свою даму. – Говорят, он строен, а это редкость для тенора. Полагаю, он знает тайну, как сохранить хороший голос, не растолстев.

Свет погас, оркестр взял первые аккорды, и занавес поднялся. Смущение Петры тотчас исчезло. Она во все глаза смотрела на сцену, поскольку никогда не представляла себе ничего более прекрасного и величественного.

Девушка отдалась во власть музыки. Голос Этторе Ланконы околдовал ее. Высокий, красивый щеголь герцог Мантуанский, очаровательный плут и обольститель, пленил воображение Петры.

– *La donna e mobile, Qual piuma al vento...* – пел он. – «Сердце красавицы склонно к измене».

Петра отождествила себя с Джильдой, дочерью горбуна Риголетто. Когда Ланкона посмотрел вверх на первые ряды лож, Петре показалось, что он поет только для нее.

– *Il sol dell' anima*. «Любовь – это солнечный свет души». *La vita e amore*. «Любовь – это сама жизнь». – Музыка была прекрасна, голос Ланконы чист и безупречен, как бриллиант.

В антракте Петра не пожелала выйти из ложи, опасаясь, что чары музыки рассеются. Когда замерла последняя нота и опустился занавес, ошеломленная девушка не могла даже аплодировать.

Лишь голос герцога привел ее в чувство.

– Сейчас мы должны пойти за кулисы и поздравить Марию с успехом. Возможно, она согласится представить нас своему великому партнеру.

Петра спокойно кивнула, хотя затрепетала при мысли о встрече с Ланконой. Во время последнего акта он часто поглядывал на их ложу, и Петра надеялась, что тенор обратил на нее внимание.

Марию, как обычно, окружала толпа поклонников, но они расступились, чтобы пропустить герцога Монфалко и Петру.

– Эдуардо! – воскликнула примадонна. – Скажи мне, как я сегодня пела? Ты мой самый строгий критик.

Герцог склонился и поцеловал ее затылок в перчатку руку.

– Твой голос неизменно очаровывает меня.

Мария рассмеялась.

– Ты постоянно льстишь мне. Впрочем, сегодня я сама знаю, что была хороша. Когда рядом Этторе, мой голос звучит прекрасно. Ланкона поразителен! – Она посмотрела на Петру. – Кто помог тебе выбрать такое восхитительное платье? – Мария расцеловала девушку и, отодвинувшись, оглядела ее. Маленькая морщина пролегла на ее безукоризненно гладком лбу. – Я не сомневалась, что ты очень изменишься, Петра, и ради Эдуардо была рада помочь тебе, но не предполагала, что это случится так скоро. Наверное, что-то тут не чисто, *toute de suite*.

Петра засмеялась, но не успела ответить, потому что к ним подошел сам великий Ланкона.

– Мария, – попросил он, глядя на Петру, – представь меня этой даме.

– Охотно, – улыбнулась Мария. Взгляды певца и молодой девушки встретились, и Петра подумала, что у него чудесные светло-ореховые глаза, напоминающие золото подсолнечников под вечерним осенним небом. Высокий

Ланкона был все же чуть ниже герцога. Густые черные волосы, зачесанные назад, придавали его лицу демоническое выражение. Общее впечатление дополняли широкие плечи, узкая талия и стройные бедра. Как верно заметил герцог, Ланкона совсем не походил на других, почти всегда полных теноров.

Петра чувствовала, как их взаимное притяжение растет с каждой секундой.

– Эдуардо – прозвучал поблизости голос Марии, – посмотри, здесь граф ди Бренация. Он спрашивал о тебе.

Мария и герцог ушли.

– Маэстро, – тихо промолвила Петра, – это большая честь для меня...

Ланкона не сводил с нее глаз.

– Вы принадлежите ему? – без обиняков спросил он, сделав шаг к ней.

– Он мой покровитель.

– Но почему именно он?

Петра не знала что ответить. Уверенность, обретенная в последние два года, улетучилась. Она даже забыла об опасности.

– Скажи, – попросил Ланкона, – что сделал герцог для того, чтобы выиграть такой приз, как ты?

Рука Петры потянулась к бриллиантовым серьгам. Он уловил ее движение и улыбнулся.

– А-а. И это все? Я подарю тебе сотню бриллиантов. Тысячу.

– Он дает мне гораздо больше, чем бриллианты.

– И я дам тебе больше – все, что ты хочешь, все! Поедем со мной.

– Это было бы несправедливо. – Петра потупила взгляд.

Ланкона приподнял ее подбородок и посмотрел ей в лицо.

– Синьорина Манзи, мы не такие жалкие люди, чтобы подчиняться приличиям, не рабы мелочной морали. Я гордый орел, и до сегодняшнего вечера не встречал ни одной женщины, способной взлететь со мной.

Петра вспомнила о последнем подарке герцога – птице феникс, восставшей из пепла. Безудержные инстинкты боролись в ней с голосом разума.

– Я слишком многим обязана герцогу и не могу покинуть его.

– Ты веришь в предначертание судьбы? Когда судьба говорит нам, куда идти, мы не должны выбирать другую дорогу. – Он наклонился к ней. – Я с первого взгляда понял, что ты моя судьба, а я твоя. – Ланкона тихо напел ей строки из арии, те, от которых два часа назад у Петры захватило дух: – *Adunque amiamoci, donna celeste*. «Тогда разреши нам любить, божественная леди». – Он выпрямился. – Утром я пришлю за тобой экипаж.

Петру раздирали противоречия. Она знала, что если увидит завтра карету, то уедет к Ланконе не задумываясь и не оглядываясь.

И вдруг она ощутила руку герцога на своем локте.

– Петра, нам предстоит дальняя дорога. Синьор Ланкона, рад был познакомиться с вами и с наслаждением слушал ваше пение. – И герцог увел Петру.

Она оглянулась на красивого певца. Его золотистые глаза горели страстью, и тепло этого взгляда еще долго согревало ее.

По пути домой герцог молчал, но когда они приблизились к вилле, взял Петру за руку.

– Со мной будет все хорошо, Коломбина, – тихо сказал он. – Даже если ты уедешь, часть тебя останется здесь навсегда.

– О чем ты говоришь, Эдуардо?

– Пожалуйста, дорогая. – Он похлопал ее по руке. – Разве я не говорил тебе, что этот день придет? Я надеялся, что не так скоро, но такова жизнь. Я с самого начала знал, что не смогу сохранить тебя навсегда. Ты – мое произведение искусства, Петрина, и сейчас тебя должен узнать мир. Отправляйся с ним.

Она видела, что он все понял.

– О, Эдуардо, мой дорогой, добрый друг. – Петра обняла его за шею. – Мое сердце разрывается от боли...

– Оно излечится довольно скоро, отогретое жаром такой страсти, какой ты еще не знала. – Экипаж подкатил к ступенькам виллы. – А сейчас вытри глазки, малышка, и поднимайся. Антония поможет тебе собраться. Я видел блеск в глазах Ланконы, и Бог свидетель, он не захочет долго ждать.

Они вышли из экипажа, и герцог повернул Петру лицом к себе.

– Но обязательно скажи ему: если он когда-либо обидит тебя, я убью его.

Она печально кивнула и, быстро поцеловав герцога, подобрала юбки и побежала по лестнице. Герцог сел в карету, а Петра позвала Антонию.

Став подругой знаменитого певца, Петра резко изменила свою жизнь.

Главное – она познала любовь и романтическую страсть, о существовании которой не предполагала. Она любила герцога и испытала физическое наслаждение в его объятиях, но восторженная любовь к Этторе подняла Петру к еще неизведанным вершинам, откуда она спускалась в мир ярких цветов, красоты и музыки, наполненный только ими и их любовью.

Ланкона восхищался ею, она почитала его. Где бы он ни выступал – в «Ла Скала», в «Ла Фениче», в Риме или во Флоренции, – Петра следовала за ним. Он щедро дарил ей цветы, внимание и любовь. Памятуя о бриллианте герцога, Ланкона осыпал свою возлюбленную драгоценностями, как и обещал: изумрудами, сапфирами и рубинами, гранатами из Вены, миланским хризобериллом с блестящим тигровым глазом, жемчугом из Парижа, опалами из Мадрида. И бриллиантами – чаще, чем другими драгоценными камнями. Петра хранила их в шкатулке из кованого золота, купленной им в магазине на Понте Веккио, когда он пел во Флоренции.

Петра ценила в них яркий блеск, цвет, совершенство, но более всего то, что они символизировали преданность Этторе. Однако чем обширнее становилась коллекция, тем менее важны становились для Петры камни. Ей казалось, что в любви есть нечто более значительное.

Только одно омрачало их счастье. Давным-давно Этторе женился на дочери влиятельного торговца, простодушной молодой женщине, равнодушной к опере и к путешествиям. Этторе находил ее скучной. Но уже тогда, обнаружив в себе необыкновенный дар, он мечтал о карьере

певца. Только его богатый свекор мог оплатить уроки у великих учителей пения, которые жили в далеких от родной деревни Ланконы городах – Милане и Риме.

Сейчас Этторе достиг вершины славы – все оперные театры Европы приглашали лучшего тенора, Верди написал для него новую оперу. Но не все было подвластно ему. Ланкона отчаянно хотел жениться на Петре. Но он и его жена были католиками, поэтому Ланкона не получил бы развода. Этторе обратился к папе, умоляя дать разрешение на расторжение брака. Петиция была отклонена.

Сокрушенный Этторе сказал Петре, что не сможет стать ее мужем.

– Мы вместе. Ничто не соединит нас крепче, чем наша любовь, – ответила она.

Идиллия продолжалась бы бесконечно, если бы жена Этторе не вознамерилась вдруг совершить одно из своих редких путешествий, решив послушать мужа в «Ла Скала». Конечно, она знала, что Этторе не живет монахом, однако считала, что по закону он принадлежит только ей. К тому же ни одна из его любовных связей не длилась больше нескольких месяцев.

Слушая его выступление, она вдруг с неудовольствием заметила, что муж то и дело смотрит на прекрасно одетую молодую женщину, сидящую в ложе. Что-то подсказало ей, что это не просто интрижка.

И после этого синьора Ланкона начала преследовать мужа. Она приходила на каждое выступление в закрытом черном платье, садилась в первых рядах партера и, сжимая в руках носовой платок, наблюдала за мужем заплаканными глазами.

Между тем синьорина Манзи, роскошно одетая, сверкающая драгоценностями, сидела в отдельной ложе и являла собой полный контраст несчастной женщине. Все понимали, что она любовница Ланконы.

И вот однажды, когда Этторе исполнял арию, послышалось несколько свистков. Никто не обратил на это особого внимания, но синьора Ланкона неуклонно продолжала свою кампанию, и вскоре свист сорвал спектакль. Певицы отказались выступать с Этторе.

Наступил день, когда в «Ла Скала» отменили его выступление. Затем пришло письмо из другого итальянского театра, где гастроли синьора Ланконы были названы несвоевременными.

– Я уеду, – объявила Петра в тот день, когда прибыла очередная телеграмма, на сей раз из Рима. – Если меня с тобой не будет, тебя попросят вернуться.

– Нет! – в ярости воскликнул он, готовый крушить мебель в гостиничном номере в Венеции. – Не могу понять, чего они ожидали? Конечно, у меня есть любовница. Это же Италия! Женатый мужчина, сохраняющий верность жене, смешон, он вызывает презрение. Посмотри на своего герцога. Никто не упрекал его в том, что он имеет любовниц.

– Его жена спокойно относилась к этому. Твоя же хочет вернуть тебя в семью.

Этторе схватил Петру за руки:

– Я не расстанусь с тобой!

– Так будет лучше, Этторе. Я знаю, что обо мне говорят. Раньше все смеялись и называли меня твоей игрушкой. Но сейчас, поняв, что наша любовь неизменна, не могут смириться с этим. Люди завидуют нашему счастью.

– Пусть они катятся ко всем чертям! – Этторе ходил по комнате из угла в угол. – И пусть она присоединяется к ним, моя милая женушка! Оставим Италию и мелочные обиды. Поедем туда, где ценят красоту, музыку и любовь.

– Куда же, Этторе? – Петра смертельно боялась потерять его. – Куда мы поедем?

– Во Францию. Мы будем жить в Париже.

Возлюбленные восхищались Парижем. Они сняли квартиру на улице Сент-Луис с видом на Нотр-Дам. У них появились друзья среди художников Монпарнаса. Молодые люди поднимались на верхнюю площадку последнего из чудес света, Эйфелевой башни, и гуляли по берегам Сены.

Этторе оказался прав. Любителей оперы в Париже совсем не волновала личная жизнь певца. Их пленил его голос, им нравилась милая Петра. Билеты в парижскую Оперу распродавались задолго до начала спектаклей. Аристократы платили огромные деньги, чтобы Ланкона исполнил хотя бы одну арию на частных вечерах, куда приводил с собой очаровательную мадемуазель Манзи. Вскоре Этторе разбогател и стал дарить Петре еще больше бриллиантов, рубинов и сапфиров.

Синьора Ланкона признала поражение и, получив чек на весьма солидную сумму, вернулась в свою деревню.

«Ланкона открывает сезон оперой „Паяцы“», – сообщали заголовки «Фигаро» в апреле 1892 года. Эта партия считалась одной из самых трудных для любого тенора. Ланкона репетировал неделями. Газеты обсуждали, способен ли он брать высокие ноты.

Этторе и Петра сияли от счастья, когда наступило 26 апреля – вечер предстоящего ему триумфа и двадцать первый день ее рождения.

– Надень сегодня белое атласное платье, – попросил он, думая только о своем выступлении.

– Конечно, – согласилась Петра, очень любившая это платье.

Перед тем как выйти из дома, Этторе вынул из кармана коробочку от Картье.

– Это тебе ко дню рождения. – Он радостно улыбнулся, наблюдая, как Петра с детским любопытством открывает подарок.

Внутри было ожерелье из сапфиров, окруженных бриллиантами, серьги и два браслета. А еще кольцо, первое, подаренное им, – с сапфиром цвета полночного неба.

Когда Этторе застегнул ожерелье на ее шее, в дверь постучали. Телеграмма. Он вскрыл конверт, пробежал глазами несколько строчек и воскликнул:

– Метрополитен-опера! Меня приглашают в Нью-Йорк на следующий сезон! – Ланкона подхватил Петру и закружился в танце.

– Этторе! Я не в балете. Отпусти меня!

– Америка! Ты понимаешь, что это означает, дорогая? Мы сможем пожениться. У нас будут дети, много детишек. Американских детишек!

– Подожди. – Петра попыталась успокоить Этторе. – Америка тоже в этом мире, где ты считаешься женатым.

– Это не важно. – Он замахал руками. – Люди там совсем другие. Нам не придется идти в церковь, чтобы пожениться. Я как-нибудь оформлю развод. В этом смысле американцы очень цивилизованные. Наступит день, и ты станешь синьорой Ланкона, мое сердце. А сегодня вечером я спою в «Паяцах» так, что зарыдают ангелы, – только для тебя и для наших bambini Americani. – Он надел ей кольцо на безымянный палец левой руки. – Носи его и знай, моя дорогая Петра, что я не покину тебя.

Спектакль начался великолепно. Она никогда раньше не слышала, чтобы Этторе пел так вдохновенно. Он смотрел только на нее, и его голос становился все сильнее, насыщеннее и глубже.

Петра закрыла глаза, наслаждаясь богатством звука и вспоминая тот вечер, когда впервые услышала этот чудесный голос, увидела ясные карие глаза, которые пронзили ее душу. Да, она самозабвенно любила этого мужчину.

Чистая высокая нота длилась долго, но внезапно и резко оборвалась. Петра удивленно взглянула на сцену. Этторе странно покачивался на нетвердых ногах.

Позже она не помнила, как пронзительно закричала. Не помнила, как бежала по коридорам, как упала, запутавшись в шлейфе атласного платья, как проталкивалась сквозь толпу.

Петра помнила только его лицо. Добежав, она сразу поняла, что Этторе ушел от нее навсегда. Лопнувший в голове сосуд разрушил ее счастливое настоящее и заманчивое будущее.

В тот день, когда Этторе Ланкона был похоронен на кладбище Пер-Лашез, Петра вернулась в квартиру на улице Сент-Луис, сняла сапфировое кольцо и положила в свою шкатулку для украшений, чтобы никогда больше не надевать. Целый месяц она оплакивала свою любовь и не желала никого видеть. Но в конце концов слезы высохли. Зная, что всегда будет с нежностью и печалью вспоминать Этторе, Петра решила продолжать жить. Она не сомневалась, что Этторе одобрил бы ее.

Петра надела черное платье, которое шло ей, и приколола брошь-феникс, подаренную герцогом.

– Я снова должна воскреснуть, – сказала она себе, после чего вызвала горничную и сообщила ей, что готова принимать посетителей.

Ей не пришлось долго ждать. Барон Алан де Валери, большой поклонник оперы, выразил желание разделить горе мадемуазель Манзи и снять тяжкий груз утраты с ее округлых, белых и нежных молодых плеч. Он упомянул, конечно, чисто случайно, о своем доме в долине Луары.

– Это настоящее сокровище, – заметил барон, – а вы наверняка знаете толк в сокровищах.

Петра улыбнулась, намереваясь вступить в игру.

– Моя коллекция невелика.

– Это скоро изменится, поверьте, мадемуазель. Надеюсь, вы окажете мне честь и посмотрите мою коллекцию... Возможно, выберете что-нибудь для себя.

– Когда-нибудь я сделаю это с удовольствием, мсье Валери.

– Май в Луаре – это поэма.

– Не сомневаюсь. Но как видите, я все еще в трауре. Черное – не цвет для весны.

– А как прекрасно лето за городом. Все в зелени. Вы можете надеть ожерелье из изумрудов... – Его глаза заблестели от вожделения.

– Конечно, со временем я сниму траур. Но уверяю вас, я сделаю это только по своей воле. Я сама решу, как жить дальше... и с кем. И даже, – она лукаво взглянула на него, – какие украшения мне носить. Вы помните Этторе Ланкону, возможно, слышали и о герцоге ди Монфалко. – Он кивнул. – Тогда для вас не секрет, что я привыкла к обществу умных, богатых, щедрых и чрезвычайно... эмоциональных мужчин. Ничто другое меня не устроит.

Он улыбнулся, восхищенный ее прямоотой.

– Надеюсь, я не разочарую вас.

– Это зависит от мужчины. – Не собираясь так быстро сдаваться на милость победителя, Петра протянула руку, давая понять, что встреча окончена, и Алан де Валери склонился над ней.

К лету 1892 года Петра устроилась в уютном доме на берегу Луары – пока баронесса де Валери гостила в Риме. Вольно или невольно, Петра Манзи превращалась в одну из самых известных куртизанок Европы. Мужчин восхищали ее раскованность в постели и сдержанные манеры в гостиных.

Она уже не была ни игрушкой герцога, ни любовницей оперного певца. Петра стала Ла Коломбой, но через много лет оказалось, что ее судьба зависит от диктатора Италии. Это вынудило Петру обратиться к сыновьям, ибо она желала спасти свои сокровища.

Глава 6

Апеннины, октябрь 1943 года

Было тихо, только листья шелестели под легким ветерком, да позвякивали колокольчики на шее пасущихся овец. В бледном свете луны группа партизан была почти незаметна.

Стефано взял бинокль и огляделся. Шоссе пересекало самый высокий в этой части Апеннин хребет. Ниже находился новый склад нацистов, а справа от него шла дорога в долину.

Сегодня вечером, если их расчеты верны, именно по этой дороге прибудет первая партия оружия. С его помощью немцы собирались выбить партизан из убежищ в горах.

Нацистские ублюдки. Но партизаны разрушат их надежды на победу, и это чертово оружие взлетит в небо вместе с немецкими солдатами.

Однако где же конвой? Скоро рассвет, а немцы всегда перевозят оружие в темноте, опасаясь бомбардировок союзников. Грузовики должны были уже проехать.

Господи, как холодно! Стефано подул на пальцы в обрезанных перчатках, потом нащупал пачку «Милитс». Ужасные сигареты, грубые и ломкие, но лучше сейчас нет. Итальянская армия посылала их своим солдатам, а от дезертиров они попадали к партизанам. Спрятавшись за скалу, Стефано закрыл ладонью огонек и прикурил. Вонючий дым наполнил легкие, и он закашлялся. И тут же заурчал пустой желудок. Стефано изменил положение, так как от долгих часов наблюдения ныли все мышцы.

– Еще немного, и нам понадобятся солнечные очки, – услышал он шепот слева.

Стефано улыбнулся. Миммо, самый старший из них, не терял чувства юмора и в самые тяжелые минуты.

– Терпение, старина, – прошептал Стефано. – Поспешись – людей насмешишь.

– Подождешь еще несколько часов, и твои яйца заледенеют, – прошипел Миммо.

– Твои уже давным-давно каменные, – отозвался Стефано. – А сейчас сиди тихо, старый пустомеля. – Он потянулся за биноклем, но смотреть было не на что. Он ощущал ужасный холод и боль в мышцах.

«Подумай о чем-нибудь еще, – сказал он себе. – Например, о горячем огне и теплой постели».

И о Маризе.

Черноволосая и черноглазая Мариза. Девушка с оливковой кожей, мягкой как шелк, пахнущей корицей и свежим хлебом из булочной, где она работает у своего отца. Мариза с черными глазами, которые смотрят на него с такой любовью, что он тает от одного взгляда. Воспоминание о предыдущем утре согрело его.

Стефано понял с самой первой встречи, что они предназначены друг для друга. Ему приказали отправиться на север и взять под командование группу партизан, действующих в районе ее деревни. Когда он прибыл, Мариза стояла в дверях булочной на главной площади, ее смуглая кожа блестела от жара плиты, прямые черные волосы падали на плечи. Но еще больше восхитило Стефано то, что он узнал от партизан о смелости этой девушки. В течение многих месяцев она прятала тех, кто скрывался от нацистов, – партизан, сбежавших заключенных, итальянских парней, которые отказались идти в армию, не желая сражаться за Германию. Мариза кормила и лечила их, снабжала одеждой.

Ночью, переделав всю свою работу, она прибежала к Стефано. Они любили друг друга, смеялись и мечтали о том, что нарожают целую дюжину детей, когда закончится эта жестокая война.

Внизу, в долине, послышался шум мотора, и Стефано вернулся к реальности. Партизаны зашевелились, заклацали ружья.

– Piano, – сказал Стефано. – Pianissimo. – Главное – не выдать себя передовой группе нацистов, посланной прочесать склоны. Терпение... тишина... и они победят.

Стефано жаждал и своей личной победы. Каждая выполненная им операция, каждая пуля, выпущенная по фашистам, были шагом к победе над Витторио, жадным и подлым предателем.

В самом начале войны братья еще поддерживали видимость отношений. Закрыв магазин, Витторио лишился большей части покупателей, так как роскошные чемоданы и кошельки совсем не пользовались спросом, но очень быстро продвинулся в фашистской иерархии. Стефано, продолжая работать в юридической фирме «Бранкузи», печатал и распространял антифашистские листовки.

Ла Коломбу не арестовали, но Стефано больше не видел мать, хотя и получил от нее несколько писем. Он полюбил мать и ради нее был готов сохранять отношения с единоутробным братом.

Но однажды вечером в ноябре 1942 года, вернувшись домой со встречи недавно образованной группы Сопротивления, Стефано обнаружил, что в его комнате провели обыск. Книги валялись на полу, ящики были выдвинуты, матрас и кресла вспороты.

Разъяренный, Стефано ворвался в кабинет Витторио в штабе фашистов.

– Ты не найдешь ее, – бросил он, перегнувшись через широкий стол, – никогда не найдешь, поэтому прекрати свой разбой!

Витторио с трудом поднялся. Во время войны он питался очень хорошо – в отличие от многих.

– У тебя нервы совсем сдали, если уж ты ворвался сюда!

Уверенный, что Витторио не причинит ему вреда – не столько из братских чувств, сколько из жадности, – Стефано подошел к нему ближе.

– Просто я хочу убедиться, что ты все понял, дорогой братец. – Он злорадно улыбнулся, увидев, как Витторио вздрогнул и побежал закрывать дверь.

– Ради всех святых, Стефано! Не доводи меня, иначе у меня не останется выбора...

– Сейчас у тебя есть выбор. Очень простой. Прекрати слежку за мной... и поверь, моя часть флякона спрятана так надежно, что ты никогда ее не найдешь. – Стефано сел в кресло. – И еще одно. Постоянно вылизывая задницы, ты занял положение, позволяющее тебе кое-кого защитить. Я слышал от друзей, что женщина, чьей жизнью мы оба дорожим, пока свободна. Так должно быть и впредь.

– Я делаю для нее все, что могу, – тихо пробормотал Витторио. – Я позаботился о том, чтобы ее не арестовали, хотя давно следовало бы это сделать.

– Проследи за этим и дальше. Если с ней что-нибудь случится, Витторио, я найду тебя и заставлю заплатить сполна. Ты понял?

Витторио бросился к Стефано, схватил его за локоть и потащил к двери.

– Я сделаю, что смогу, по крайней мере постараюсь. А сейчас иди и никогда больше не возвращайся сюда!

– С радостью! – Стефано вырвал руку. – Не забывай мои слова, и я никогда не загляну в это место.

Через восемь месяцев арестовали Карло Бранкузи.

В ту же ночь Стефано подстерег Витторио, когда тот выходил из оперы. Его брат выглядел весьма респектабельно в вечернем костюме, белом шелковом шарфе, элегантно повязанном вокруг жирной шеи. На его руку опиралась молодая блондинка. Когда Стефано преградил дорогу Витторио, она пробормотала несколько слов с немецким акцентом.

– Черт побери, Витторио, – начал Стефано. – Ты позволил арестовать Карло.

– Он сам виноват, – высокомерно ответил Витторио, предварительно убедив свою спутницу подождать его в отдалении.

– Почему ты не остановил их? Видит Бог, этот человек был тебе почти отцом!

– Жаль, что он не наставлял меня по части политики. Попробуй я только защитить его, и оказался бы в тюрьме с ним на пару. А сейчас довольно. Если моя девушка что-то заподозрит, я буду не в силах помочь и тебе.

Едва кивнув, Витторио повернулся и пошел прочь. Догнав Витторио, Стефано дал ему хорошего пинка в толстый зад, и его любимый братец рухнул прямо в грязь.

В ту же ночь Стефано, покинув Милан, поехал в горы и присоединился к партизанам.

Позднее он узнал, что белокурую фрейлейн, любовницу брата, звали Гретхен Коппвельд. Ее отца, Рудольфа Коппвельда, только что назначили командующим в северных Апеннинах.

Звуки приближались, и вскоре тренированный слух Стефано различил неровное рычание двигателей, работающих на плохо очищенном бензине, треск мотоциклов, визг шин.

Волнение, напряжение, злость охватили всех партизан. Каждое ружье было взведено и приготовлены гранаты, не дурацкие «красные дьяволы» итальянской армии, имевшие очень маленькую силу, а американские «ананасы», переправленные союзниками две недели назад. Только нажми на кнопку, и взорвется закопанный у дороги динамит.

Первый грузовик вынырнул из-за поворота в сотне ярдов от них. Было достаточно светло, чтобы увидеть и сосчитать все машины: пятнадцать – с оружием и боеприпасами, три – с людьми. Впереди ехал броневик, и еще один замыкал колонну. Через несколько секунд Стефано, не опуская бинокля, злорадно усмехнулся. Среди автомобилей он заметил открытый «мерседес» с двумя офицерами. У одного из них на кожаном пальто виднелись красные генеральские петлицы. «Вот так удача», – подумал Стефано.

Подождав, пока конвой оказался на дороге почти под ними, он дал сигнал – глухо заухал, как сова. И тут же тишина взорвалась. Вспышки, пламя, грохот, оглушительный и болезненный.

Вокруг свистела шрапнель, и Стефано прижался к скале. Гранаты, которыми его люди забросали грузовики, сделали свое дело – боеприпасы сдетонировали, и машины вспыхнули, как праздничный фейерверк, одна задругой. К небу поднялись огромные столбы огня.

Даже сквозь взрывы были слышны крики умирающих. Выглянув из-за скалы, Стефано увидел мертвые тела и раненых солдат, расползающихся в разные стороны.

– Огонь! – скомандовал он. – Раненые не должны уйти.

Сам Стефано напряженно искал на задымленной дороге генеральский «мерседес». К его удивлению, он не пострадал и сейчас пытался объехать перевернутый мотоцикл и трупы.

О нет, свинья! Стефано выдернул чеку и с силой метнул фанату вниз. Она, как в замедленном кино, пролетела по воздуху и упала на дорогу позади машины. «Мерседес» подняло в воздух и перевернуло. Когда рассеялись клубы дыма, Стефано увидел недвижно лежащего на земле генерала.

Стефано даже подпрыгнул от радости, но вокруг летали осколки снарядов, и он снова спрятался за скалу.

Стрельба и взрывы продолжались еще пять минут, потом все стихло. Над полем боя повисла такая мертвая тишина, что Стефано не узнал своего голоса, когда поднялся и позвал соратников.

Некоторые партизаны были ранены, но все они воодушевленно хлопали друг друга по спинам. Миммо подошел последним – он обнаружил, что один мотоцикл остался на ходу, и теперь спрашивал, как с ним поступить.

Если отогнать мотоцикл в деревню, немцы легко вычислят виновников фейерверка на горной дороге. Поэтому партизаны отвели его подальше и спрятали возле дороги, а потом свернули к деревне.

Они остановились в полумиле от нее. Стефано, Миммо и Тонио, семнадцатилетний подросток, отправились на разведку. Они осторожно подобрались к деревне и задрами вышли на главную площадь.

Все было спокойно. За статуей Гарибальди двое мальчишек гоняли в футбол. Рядом с кафе за бокалом красного вина синьор Претти и синьор Ричелли играли в шашки, передвигая деревянные диски по доске и воображая, что воюют с немцами. Свиньи ковырялись в грязи и оторвались от привычного занятия, когда зазвонил колокол.

И Мариза. Она склонилась над котлом, стоящим перед булочной на открытом огне, и готовила суп по рецепту военного времени: из воды, жира и картофельной шелухи.

Едва Стефано взглянул на любимую, как куда-то исчезли голод и боль, а из памяти напрочь ушли страшные картины смерти и разрушения.

Мариза выпрямилась, откинула со лба прядь волос, увидела Стефано и побежала к нему, широко раскинув руки.

Он схватил ее и крепко прижат к себе. От этой земной и полной жизни девушки так замечательно пахло! Стефано хотел раствориться в ней и забыть все, что видел и делал с тех пор, как они расстались.

– Пошли, – ласково сказала она и потянула его в дом. – Я приготовлю тебе ванну.

Тонио последовал за другими партизанами.

Пока Стефано смывал с себя грязь, Мариза выложила на стол свежий хлеб и эрзац-кофе из жареного миндаля. Когда он вылез из бочки, в небе послышался рокот американских бомбардировщиков, летящих бомбить Милан, Турин и Флоренцию.

Услышав эти звуки, Стефано вскипел от ненависти к Муссолини. Его любимую Италию разрушают и те, кто намерен оккупировать ее, и те, кто собирается освободить. Похоже, обе стороны вознамерились не оставить от страны камня на камне.

– Подумайте, что вы делаете, stronzo, ублюдки! – закричал он.

– Тсс! – успокаивала его Мариза.

Чистые и прохладные простыни, мягкий матрас, теплые и любящие руки девушки. Он заснул.

Когда Стефано проснулся, было уже темно. Рядом с ним лежала обнаженная Мариза. Он притянул ее к себе и страстно поцеловал.

– Ты, наверное, хочешь есть, – рассмеялась она.

– Да, я ужасно голоден, – согласился Стефано, – но мне нужна не еда. – Он провел рукой по бедрам Маризы и поцеловал ее грудь.

Стефано мечтал сразу проникнуть в ее лоно, но заставил себя ждать, даже немного отодвинулся: они должны вместе пройти ту дорогу, которую так часто в последние месяцы преодолевали вдвоем.

Мариза была девственницей, когда впервые отдалась ему, поразив его целомудренной и естественной, как дыхание, любовью. Сейчас, исполненная такой же страсти, как и Стефано, она с восторгом отвечала на его ласки.

Стефано едва сдерживался. Он обнял ее и застонал от наслаждения, когда Мариза обхватила ногами его талию и притянула к себе.

– Давай же! – прошептала она.

Их любовь походила на шторм. Мариза стонала, кусалась, впивалась ногтями в его спину, кричала.

– Прошу тебя, любовь моя, быстрее!

И Стефано выполнил ее страстную мольбу, ибо и сам мечтал о том же.

Он снова заснул в объятиях Маризы, и она спала рядом с ним, видя во сне то счастливое будущее, когда они смогут каждую ночь наслаждаться страстью.

Стефано разбудило легкое прикосновение рук Маризы. Она уже приготовила еду и тесто для завтрашнего хлеба.

– Дорогой, проснись. К тебе пришел человек. Стефано приподнялся, еще не вполне придя в себя, и сразу же у него заныл каждый мускул. Словно догадавшись об этом, Мариза протянула ему дымящуюся кружку с кофе, и он сделал первый глоток... О чудо, настоящий кофе, хотя зерна использовались много раз, высушивались и поджаривались снова.

– Какой человек? – удивленно спросил Стефано. Мариза подала ему письмо в конверте из хорошей, но чуть испачканной, плотной бумаги. На нем было написано его имя. Сразу же узнав почерк, он быстро вскрыл конверт.

«Mio Figlio!

Если ты получишь это письмо, значит, я все-таки арестована. Мне сказали, что «Ла Тана» станет немецким штабом. Не знаю, куда меня отвезут. Уверена, ты сделаешь все возможное, чтобы узнать это, но я вовсе не хочу просить тебя о помощи. Я знаю, что получу ее в любом случае.

Возможно, это мое последнее послание к тебе, мой любимый сын, и мой последний шанс сказать тебе самое главное. Я всегда буду любить тебя, Стефано. И я очень, очень горжусь тобой.

Твоя любящая мать Ла Коломба».

Стефано вскочил.

– Я должен уехать. – Он надел рубашку и наклонился за ботинками.

– Что случилось? – встревожилась Мариза.

– Надо найти мать.

Он схватил Маризу за талию, притянул к себе и поцеловал. Потом, взяв карабин, направился к двери. Стефано уже отошел от дома, когда девушка догнала его и подала ему батон салями и буханку хлеба.

– Будь осторожна! – попросил он. – Я люблю тебя.

– И я люблю тебя, Стефано. Те ato!

Он быстро шел по дороге. Ему удалось хорошо отдохнуть, а теперь надо побыстрее добраться до мотоцикла, спрятанного в кустах. Конечно, в округе полно немцев, разыскивающих партизан, но мотоцикл спрятан в стороне от места ночного боя, и, слава Богу, его не нашли.

Через час Стефано привел мотоцикл в полный порядок. Бак, к счастью, оказался почти полным.

Шоссе во Флоренцию Стефано отверг сразу. Оно перекрыто немецкими патрулями, да к тому же союзники бомбили все, что движется по дорогам. Стефано пришлось пробираться проселочными тропами и много раз прятаться в кусты, когда мимо проезжали немцы. Миля пролетала за милей, а он думал лишь о том, как добраться до «Ла Тана» и освободить Ла Коломбу.

Около полуночи Стефано свернул на кипарисовую аллею. Въехав на холм, он вскрикнул от ужаса. Вилла, объятая пламенем, полыхала. Огонь, похоже, бушевал здесь уже давно.

Стефано нажал на тормоза, но был не в силах отвести взгляд от погибающего на его глазах прекрасного дома матери. А в памяти так же ярко, как огонь, стояла картина их единственной встречи...

Возможно, она еще жива. Если Ла Коломба арестована, то он обязательно найдет и освободит ее! Стефано нажал на газ, развернулся и помчался во Флоренцию.

Он проехал всего милю, когда перед ним на дорогу выскочила из тени группа вооруженных людей с карабинами наготове. По шейным платкам Стефано сразу понял, что это партизаны.

– Не стреляйте. – Он остановился и поднял руки. – Я человек Кадорны. – Генерал Рафаэль Кадорна был командиром партизан в северных Апеннинах.

Стефано далеко не сразу убедил их, но потом они все долго смеялись. Он рассказал им о нападении на немецкий конвой и признался, что возглавлял его. Партизаны пришли в восторг, жали его руку и радостно похлопывали по спине.

– Но и у нас есть чем похвастаться, а, парни? – Один из них указал карабином на «Ла Тана».

– Вы?! – поразился Стефано. Партизан кивнул.

– Немцы захватили дом под штаб несколько дней назад. А сегодня в нем собрались большие начальники. – Партизан усмехнулся. – Пытались решить, как быть с нами. А мы все решили за них!

– Но «Ла Тана»... – начал Стефано.

– Да, ужасная потеря. Но донна Петра месяц назад передала нам письмо: «Если немцы арестуют меня и попытаются использовать виллу для своих нужд, пустите дом на воздух, если сможете». Так мы и сделали.

– Вы знаете, куда ее забрали? – взволнованно спросил Стефано.

– Мы слышали, что она еще во Флоренции.

– Где именно?

Партизаны переглянулись.

– Конечно, в полиции, точнее, в гестапо.

Стефано вскочил на мотоцикл.

– Grazie. Я должен найти Ла Коломбу.

– Зачем? – спросил один из партизан, когда Стефано уже заводил двигатель.

– Потому что люблю ее! – крикнул Стефано через плечо. Он мчался по дороге, посмеиваясь над партизанами, которые наверняка неправильно истолковали его чувства к известной куртизанке.

Все так же, по проселочным дорогам, Стефано добрался до окраин Флоренции меньше чем за полчаса. Тут у него кончился бензин. Он сбросил мотоцикл в придорожную канаву, зарыл неподалеку карабин и пошел в город.

Вскоре Стефано уже стоял возле полицейского участка в центре города. Было раннее утро, двери гестапо только открылись, но через них непрерывным потоком шли военные и полицейские. Как же узнать о судьбе Ла Коломбы?

Мимо него проследовала молодая женщина с ребенком – мальчиком лет шести. Оба худые и изможденные.

– Синьора, – обратился к женщине Стефано. Она остановилась и с подозрением посмотрела на него. – Синьора, ребенок голоден?

– Ну и что? Вся Италия голодает.

Стефано вытащил из кармана остатки салями, которую ему дала Мариза.

– Это ваше... если вы сделаете кое-что для меня. Она кивнула, не сомневаясь, что угадала его желание.

– Где вы хотите? Можно сначала отослать ребенка? Паоло, иди в церковь и жди меня там.

Стефано схватил ребенка за руку.

– Я не о том, синьора. Пусть ребенок пойдет в участок и спросит кое о чем.

– И это все?

Стефано кивнул.

– А за этот вопрос его не накажут? – насторожилась женщина.

– Не знаю. Надеюсь, нет. Но что бы там ни сказали, я отдам колбасу. Всю.

– Паоло! – Женщина подтолкнула мальчика к Стефано. – Сделай то, что хочет этот человек.

Мальчик внимательно выслушал Стефано, повторил его инструкции, потом пересек площадь и вошел в участок. Он вернулся очень скоро с таким же унылым выражением лица.

– Она умерла, – спокойно сообщил он. – Она пыталась убежать прошлой ночью, и они застрелили ее.

Женщина выхватила колбасу из онемевших пальцев Стефано, взяла сына за руку и поспешила прочь, пока этот сумасшедший не передумал.

Стефано словно окаменел. Если бы его сейчас застали карабинеры, они могли бы схватить его, не прикладывая никаких усилий. Его мать, которую он видел только один раз, умерла. По щекам Стефано покатались слезы.

Он не знал, сколько простоял так, но вдруг чья-то рука легла ему на плечо, и Стефано увидел перед собой священника. Стефано давно уже не верил в Бога, но когда падре взял его за руку и повел в ближайшую церковь, он послушно, как ребенок, последовал за ним. Опустившись на колени, молодой человек шептал тихие слова.

Но вовсе не молитву.

– Я убью тебя, – повторял он снова и снова. – Я убью тебя. Ты позволил им застрелить ее. Твою мать. Я клянусь, что убью тебя.

Глава 7

Как обычно, возвращаясь в деревню, Стефано был очень осторожен и старался не привлекать к себе внимания. Но сейчас, подойдя к окраине села, он понял: случилось нечто страшное.

Стефано шел по улице, заглядывая сквозь открытые двери в пустые комнаты, и его сердце быстро и тревожно стучало. Была середина утра, время, когда старики обычно сидят в кафе, а женщины выходят за водой к колодцу. Никого.

Он выглянул из-за угла на главную площадь, держа ружье наготове.

На площади Стефано увидел людей. Десять рядов по двенадцать человек в каждом – все жители деревни. Мертвые. Воздух над ними был черным от мух и зловонным. Прошло уже почти два дня. Наверное, их казнили в то утро, когда он уехал...

– Мариза! – как зверь, взвыл Стефано и побежал по площади, оглядывая один труп за другим. Претти. Старина Ричелли. Мартини, мэр Тюнио. Франко, священник. Маленький глазастый Адела, который бегал за Стефано как щенок. Нацисты выстроили их и расстреляли – более сотни жизней всего за несколько минут.

– Мариза! Любовь моя! – повторял Стефано как безумный.

Но он видел лица других, старых и молодых, мирных жителей и партизан.

Вдруг он узнал отца Маризы, в руке которого было зажато распятие. Стефано опустился перед ним на колени, собрав всю свою силу воли и понимая, что она пригодится ему в следующее мгновение.

Он встал, огляделся... и увидел ее. Мариза была в красном свитере, который так нравился ему, потому что оттенял ее смуглую кожу. Широко открытые глаза девушки смотрели на Стефано так, будто она умоляла его спасти ее от смерти.

Он упал рядом с Маризой, прижал ее голову к своей груди и закрыл ей глаза. Но смерть открыла их, и девушка снова смотрела на Стефано с мольбой, любовью и сожалением о том, что покинула его.

Он не плакал. Два дня назад Стефано рыдал по своей матери, но сейчас не мог плакать по Маризе. Его охватил безысходный ужас.

Он поднял ее и понес с площади, желая похоронить по-христиански. Проходя мимо церкви, он увидел на двери объявление.

«ACHTUNG! ACHTUNG!

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

По приказу Рудольфа Коппвельда, настоящим объявляется возмездие за смерть семидесяти трех немецких солдат и пяти офицеров, включая генерала Генриха фон Бадесвирта, от рук итальянских гражданских преступников на дороге в Брезенцу. За каждого убитого немецкого солдата будут казнены пять итальянских гражданских лиц. За каждого убитого немецкого офицера – десять. За смерть герра генерала фон Бадесвирта понесут такое же наказание двадцать итальянцев. Эти гражданские лица, в количестве 435 человек, будут выбраны из жителей деревень Тоция, Колиба, Фаранто, Барасси и Курца».

Внизу стояла размашистая подпись: Рудольф Коппвельд.

Отец невесты Витторио д'Анжели.

Темная ярость и жажда мести захлестнули Стефано, когда он вспомнил о смерти Ла Коломбы.

Он принес Маризу в ее комнату над булочной, смыл запекшуюся кровь, одел девушку в белое платье и завернул в простыню. Потом поднял на руки и отнес на кладбище.

Стефано нашел лопату и выкопал могилу рядом с могилой матери Маризы, осторожно опустил любимую в последнее пристанище, отвернул край простыни, на мгновение прижался к ее холодным губам, а потом снова укрыл ее.

Пошатываясь, Стефано вернулся на площадь. Что он может сейчас сделать? Слишком много тел, ему не похоронить всех. Слезы застилали глаза Стефано, когда он рухнул в кресло возле маленького кафе. Тоция, как и другие названные фашистами деревни, перестала существовать.

В этот момент Стефано захотелось покончить с собой. Мариза мертва. Ла Коломба мертва. Мир, которым завладели нацисты, хуже ада.

Но в конце концов они потерпят поражение. Стефано собрал вещи и пошел не оборачиваясь по дороге в Милан. Он спал днем и двигался по ночам, прячась в канавы, чтобы не попасть под бомбежки союзников или на глаза немецким патрулям. Все местные жители говорили, что Муссолини уже проиграл, а скоро та же судьба постигнет и немцев.

Стефано пришел в Милан в конце июня, и вид любимого города потряс его. Дома, превращенные в руины, напоминали могильные плиты, посреди улиц были огромные воронки от бомб. Очевидно, авиации союзников никто не препятствовал, значит, дни фашистов и их прихвостней сочтены.

Стефано не испытывал жалости к Витторио. Глупость и жажда власти правителей привели Италию в такое чудовищное состояние. Проходя по обезображенным улицам, Стефано думал только о мести. Странно, но дом на углу площади Ментана, где жил Витторио, уцелел. Даже окна не были разбиты.

Стефано поднялся по мраморной лестнице, перепрыгивая через две ступени. Дверь в квартиру брата была открыта. Он прошел через пустые комнаты. В шкафах висела одежда: выглаженные костюмы, яркие платья и меха, принадлежащие любовнице Витторио – дочери палача.

Беспорядка нет, значит, Витторио и Гретхен сбежали. Они не убиты и не арестованы.

Стефано начал методичные поиски. Он разбирал мебель, поднимал половицы, проверял каждый шов в одежде.

Даже если Витторио собирался в дорогу спешно, он не забыл дома свою половину флакона. По крайней мере в квартире ее нет. Но где найти Витторио? Может, он скрылся в Германии? Или в нейтральной Швейцарии?

Стефано этого не знал. Но если Витторио жив, он не откажется от своей доли состояния. Как только кончится война, возможно, даже раньше, он явится к нему, чтобы объединить половины флакона и получить драгоценности из банка в Швейцарии.

Стефано больше не хотел воевать. Понимая, что фашисты проиграли, он решил не возвращаться к партизанам, а остаться в Милане и работать на расчистке города от завалов.

В апреле 1945 года последние соединения немцев были окончательно вытеснены из Апеннин. Партизаны схватили дуче, который скрывался в женской одежде, надеясь незамеченным сбежать из Италии, и застрелили вместе с Карлой Петачи, его любовницей. Их тела привезли в Милан и повесили на всеобщее обозрение.

Стефано пошел к этому месту. Он хотел посмотреть на того, кто поверг целую нацию в горе и отчаяние, пролив столько крови.

Но Стефано не испытал удовлетворения, увидев его тело. В последние годы смерть стала для него повседневностью. Сейчас он подумал о том, что палачи дуче проявили такую же жестокость, как и сам Муссолини.

Стефано побрел прочь, сунув руки в карманы пиджака, вернее, крестьянской куртки из грубой шерсти, сшитой для него Маризой. Он попросил ее сделать внутри потайной карман и спрятал там половину флакона, надеясь когда-нибудь показать эту вещицу Маризе.

Всю войну Стефано носил реликвию с собой, завернув ее в кусочек овечьей шерсти. Да и выжил он, вероятно, благодаря этому талисману. Но если это действительно талисман, то и Витторио должен быть жив. И еще одна мысль преследовала Стефано: если бы Ла Коломба оставила флакон у себя, счастье не отвернулось бы от нее.

Война кончилась уже больше года назад. Время шло, но Стефано ничего не знал о Витторио и уже сомневался в том, что его брат жив. Он просмотрел документы фашистской партии, рапорты союзников и военных прокуроров, но не нашел упоминаний о Витторио д'Анжели или о Рудольфе Коппвельде. Правда, Стефано с горечью узнал, что Карло Бранкузи умер в тюрьме.

Как наследник Бранкузи, он имел право получить все бумаги, которые у того изъяли. Стефано нашел письмо, написанное рукой Бранкузи, где тот выражал согласие взять на себя воспитание сыновей Петры Манзи. Там же хранились свидетельства о крещении Стефано и Витторио, но в них не упоминались имена отцов мальчиков. На всякий случай Стефано решил сохранить документы.

После войны он жил довольно замкнуто, не желая общаться с женщинами, хотя многие проявляли к нему внимание и даже пытались разбудить в нем страсть. Стефано так и не приспособился к новому миру и не нашел работу. Если у него появлялись небольшие деньги, он сразу бросал все и уезжал в горы, где была похоронена его любовь. Обходя пустые дома деревни, Стефано слышал смех Маризы и пытался писать стихи.

Но и вдохновение покинуло его. Он вернулся в Милан, надеясь, что туда же приедет Витторио и наследство Ла Коломбы спасет его от будничности жизни.

Однако время шло, и Стефано решил, что ждать больше не стоит.

Сентябрьским днем сорок седьмого года Стефано шел по улицам Женевы, наслаждаясь необычно теплой погодой и видом города, не пострадавшего от бомбежек. Швейцария не знала разрушений, не видела голодных детей, выпрашивающих шоколад и сигареты, или больных сифилисом молодых девочек, продающих себя за несколько лир, чтобы накормить семьи. Вокруг царил порядок, текла нормальная, размеренная жизнь, и это вселяло успокоение.

Стефано не предвидел особых трудностей. Витторио пропал два с половиной года назад. Будь брат жив, он нашел бы его.

Зайдя в банк «Гельвеция», Стефано назвал свое имя и попросил позвать человека, с которым договаривалась Ла Коломба, – герра Линднера.

– Простите, сэр, – ответил невозмутимый клерк, – но мистер Линднер больше не работает здесь. Возможно, мистер Стимли, его преемник, поможет вам.

Стефано встревожился. Ла Коломба условилась обо всем с герром Линднером. А вдруг придется его разыскивать, чтобы он подтвердил условия договора? Но потом Стефано сообразил, что Линднер оформлял вклад Витторио как официальное лицо. Возможно, лучше иметь дело с тем, кто не знал лично Ла Коломбу или кого-то из членов ее семьи. Стефано согласился поговорить с мистером Стимли.

Клерк отлучился, но через минуту вернувшись, провел посетителя в отдельный кабинет.

– Синьор д'Анжели, кажется, вы хотели видеть герра Линднера? – спросил мистер Стимли, высокий пожилой блондин в строгом деловом костюме. – Я занимаюсь всеми делами, которые он вел.

– Я приехал поговорить о необычном деле – вкладе, сделанном перед войной и нетронутым до сих пор.

Стимли равнодушно кивнул.

– В этом нет ничего необычного, синьор. В то время многие люди искали безопасное место для своих...

– Я говорю не о времени, – нетерпеливо перебил его Стефано, – а о самом вкладе: это большая коллекция драгоценностей стоимостью в миллионы лир.

– Да? – Стимли изобразил интерес.

– Коллекция принадлежала моей матери... известной как Ла Коломба. Короче, я хотел бы получить эту коллекцию.

Внимательно посмотрев на посетителя, Стимли чуть заметно улыбнулся.

А почему он должен держаться иначе? Известно, что швейцарцы осторожны, особенно те, кто причастен к банковскому делу. «Зато ни одному самозванцу не удастся украсть мое наследство», – подумал Стефано.

Тем не менее Стефано стало не по себе. Как же ему доказать свои права? Есть ли письменные инструкции, объясняющие порядок наследования, или Ла Коломба договорилась обо всем с герром Линднером лично?

Как объяснить все сложные детали банкиру, столь равнодушному ко всему? Гораздо легче говорить с человеком осведомленным.

– Вы не могли бы связаться с герром Линднером? – спросил Стефано. – Он все объяснит.

– Сожалею, но это очень сложно. В прошлом году он внезапно уволился и уехал из страны.

– Внезапно? Уехал?..

– Да. Очень странно. Известно только, что сейчас он в Америке. Его дочь вышла замуж за американца, состоявшего на дипломатической службе. Она находилась здесь во время войны. Когда ее мужа отозвали в Вашингтон, Линднер уехал вместе с ними.

Нервы Стефано были на пределе, воображение рисовало картины одна хуже другой. Банковский служащий, которому доверили драгоценности стоимостью в миллионы долларов, внезапно увольняется и уезжает за океан. Необходимо что-то предпринять. Стефано вытащил из кармана кусок овечьей шерсти и развернул его. На стол легла верхняя часть парфюмерного флакона.

Брови мистера Стимли взлетели вверх. Стефано, волнуясь, сбивчиво объяснил, что этот предмет – своего рода условный знак, поэтому необходимо присутствие его брата, который исчез и скорее всего мертв. Его часть флакона таким образом утрачена, и ее не найти, а ему, Стефано, необходимо получить наследство. Чтобы подтвердить свои притязания, он предъявил письмо, написанное Бранкузи, и свидетельство о крещении.

Стимли взял документы и прочитал их. Потом внимательно осмотрел необычную вещь. Внезапно он встал.

– Простите меня, синьор д'Анжели, но я должен посоветоваться с коллегой.

То, что банкир так быстро ушел, вселило в Стефано надежду. Стимли наверняка уверен, что Стефано имеет права на наследство, и после небольших формальностей ему вернут коллекцию. С чего вообще его посетила дурацкая мысль, что драгоценности похищены? Линднер пожелал жить с дочерью в Америке, и это вполне нормально.

Стимли скоро вернулся с папкой в руке.

– Синьор д'Анжели, – начал он, сев на место. – Я собрал все бумаги, связанные с этим делом. Письмо, написанное мистеру Линднеру синьорой Петрой Манзи, неоспоримо свидетельствует о том, что ее коллекция может быть получена только при представлении обеих половинок флакона.

– Но я ее сын и объяснил...

– Я не оспариваю ваши утверждения, синьор д'Анжели. Для финансовой операции не важно, верю я вам или нет. Я не имею права отдать вам драгоценности.

– Тогда разрешите мне поговорить с вашим начальником, с директором банка. Ведь моя мать не хотела, чтобы эти драгоценности остались здесь навсе...

– Простите, мистер д'Анжели. Я еще не все объяснил. Истинная причина, по которой мы не можем выдать вам коллекцию, состоит в том, что у нас ее нет.

– Как?! – Голос Стефано дрогнул, ибо он понял, что его худшие опасения подтвердились.

Стимли открыл папку и просмотрел бумаги.

– Записи свидетельствуют о том, что мистер Витторио д'Анжели приехал в наш банк к герру Линднеру четырнадцать месяцев назад. Он полностью удовлетворил все условия, оговоренные в завещании, и коллекция была выдана ему.

– Полностью? – Стефано подался вперед. – Он приехал один?

– Да. Он предъявил документ, подтверждающий, что его брат умер в Милане в 1944 году.

– Это не составило ему никакого труда. Он был фашистским функционером. – Стефано схватил со стола свою часть флакона. – Но у него не было этого!

Стимли снова проверил бумаги.

– Похоже, что было. Он предъявил мистеру Линднеру две половинки парфюмерного флакона, и в наших бумагах есть их фотография. А вот письменные показания, удостоверяющие...

Стефано вскочил.

– У него не могло быть двух половинок, потому что одна из них у меня. Разве вы не видите? То была подделка!

Однако Стимли не утратил самообладания.

– А может быть, подделка в вашей руке?

Слова банкира подействовали на Стефано как холодный душ. Конечно. Какая разница? Ему никогда не удастся доказать, что его половинка подлинная.

Витторио отлично все рассчитал: забрал коллекцию и скрылся.

– Не покажете ли мне письменные показания? – тихо попросил Стефано, признавая свое поражение.

Стимли протянул ему документ. Все было именно так, как он только что объяснил. На документе стояла подпись: «Курт А. Линднер».

– Спасибо, мистер Стимли. Банковский служащий кивнул и поднялся.

– Синьор д'Анжели, понимаете, мы бессильны... – Он развел руками.

Выйдя из банка, Стефано почувствовал, что предан и обманут, как и его мать. Казалось, умная Ла Коломба предусмотрела все, чтобы разделить свое состояние поровну между сыновьями.

Но она не учла того, что Италия оккупирована фашистами, а Витторио – подлец.

У Стефано опустились руки. Но память о матери побуждала его действовать. Нельзя позволить Витторио осквернить ее память.

Одно из первых звеньев в поисках Витторио, несомненно, герр Линднер. Случайно ли, что через месяц или два после вступления Витторио в права наследства Линднер исчез? А что, если какая-то безделушка из коллекции упростила формальную процедуру передачи драгоценностей?

Стефано надеялся отыскать след швейцарского банкира. Его дочь замужем за американцем, служащим министерства иностранных дел, который провел годы войны в Женеве. Это сузит круг поисков.

Проведя четыре месяца в порту Генуи, Стефано нанялся матросом на корабль, отплывающий в Нью-Йорк. Он не знал, разрешат ли ему остаться в Америке, но слышал, что там доброжелательно относятся к беженцам.

Когда корабль вошел в гавань Нью-Йорка, Стефано подумал, что наследство матери уже сослужило ему хорошую службу, даже если он не найдет коллекцию. Он любил Италию, но родная страна не скоро поднимется из руин. В Америке же перед человеком открываются разнообразные возможности.

Матросы показали ему Манхэттен, где обосновалось множество итальянцев. Этот район даже называли Маленькой Италией. Матросы утверждали, что Стефано сможет найти работу, и не зная английского языка. Так и вышло. Пару недель Стефано брался за любую работу, потом, освоив разговорный минимум, купил билет на поезд и отправился в Вашингтон.

Обходясь скудным словарным запасом и часто прибегая к языку жестов, он расспрашивал попутчиков и таким образом прокладывал путь к государственному департаменту США. Стефано быстро нашел переводчика, который согласился просмотреть списки личного состава посольства США в Швейцарии в военные годы и узнать, не привез ли кто-то из них в Америку жену с девичьей фамилией Линднер.

Через три часа в холл к Стефано вышел тридцатилетний мужчина в очках с золотой оправой. Он назвался Джеймсом Харрингтоном и сказал, что женился на Хейди Линднер в Женеве летом 1946 года.

– Зачем вы ищете Хейди, синьор д'Анжели? – спросил Харрингтон.

– Я ищу не вашу жену, а ее отца. Это связано с моим личным делом, которым занимался ваш тесть в женевском банке. Только он располагает необходимой мне информацией.

Харрингтон извинился и пошел звонить. Вскоре вернувшись, он сказал Стефано, что его свекор готов встретиться с ним.

– Синьор д'Анжели, думаю, вы устали. Я закажу машину и отвезу вас к мистеру Линднеру.

«Доброта или хитрость, – подумал Стефано. – Может, зять Линднера тоже участвовал в мошенничестве?»

Но Стефано тут же выругал себя за подозрительность. Неужели предательство Витторио заставило его сомневаться во всех?

– Большое спасибо, мистер Харрингтон. Надеюсь, когда-нибудь мне удастся отблагодарить вас за доброту.

Машина подвезла его к маленькому дому в Джорджтауне. Стефано нажал кнопку, и его попросили подняться на четвертый этаж.

Линднер ждал Стефано в дверях своей квартиры. На вид ему было около шестидесяти. В свободных брюках и шерстяном свитере, он выглядел спокойным и дружелюбным – полная противоположность герру Стимли.

Линднер приветствовал Стефано на отличном итальянском, пригласил его в квартиру и предложил выпить.

Но Стефано сразу перешел к делу.

– Герр Линднер, имя д'Анжели, вероятно, известно вам.

– Конечно, поэтому я и согласился встретиться с вами. Мужчина по фамилии д'Анжели получил большую коллекцию драгоценностей из банка, где я работал.

– Это мой брат, Витторио. Я – Стефано д'Анжели.

– Но он показал...

– Свидетельство о моей смерти, – горько улыбнулся Стефано. – Однако, видите, я здесь. Беспокойство и тревога Линднера сменились пониманием и сочувствием.

Задав несколько вопросов и получив ответы на них, Стефано понял, что мистер Линднер – настоящий швейцарский банковский служащий, честный и неподкупный. Витторио представил необходимое доказательство, и Линднер, ничего не заподозрив, выполнил свои обязательства перед Ла Коломбой.

– Мой зять работает в американском госдепартаменте. Уверен, он поможет вам связаться с международной полицией. Эти драгоценности наверняка когда-нибудь всплывут...

Но Стефано знал, что Витторио не так-то легко поймать. Он превратит художественные изделия в отдельные камешки, которые никто никогда не узнает.

– Чтобы получить эти драгоценности, я пересек половину света. – Стефано с горечью рассмеялся. – Они чуть не свели меня с ума. Я подозревал всех и каждого, в том числе и вас, считая, что вы их украли. Трудно расставаться с мечтой, но я попытаюсь. В этой стране нужны другие мечты.

Герр Линднер одобрительно кивнул и проводил гостя до двери.

– Если вам что-нибудь понадобится, синьор д'Анжели, обращайтесь ко мне. Я постараюсь помочь.

На улице Стефано огляделся, размышляя, куда идти. Он сказал, что обретет новую мечту, но с чего ему начать? И разве что-то сравнится с той мечтой, которую пробудила в нем Ла Коломба?

В последние годы Стефано стал меньше любить жизнь. Смерть Маризы опустошила его.

Но он должен попытаться выжить. Стефано взглянул на купол Капитолия. Вокзал Юнион стейшн где-то поблизости.

И он направился туда.

Книга вторая АЛМАЗЫ

Глава 1

Нью-Йорк, 1966 год

Люди, занимавшиеся ювелирным делом, называли Сорок седьмую улицу, между Пятой и Шестой авеню в Нью-Йорке, просто и коротко – Улицей. В этом маленьком квартале несметное количество алмазов обретало новых хозяев. Средоточием и смыслом этого мира были бриллианты – сверкающие, излучающие свет и холодный блеск.

Все в округе знали Пет (никто, кроме ее матери, не называл ее Петрой). Она считалась старожилой Улицы, как торговец Голдман или дилер Браилоффски. Пет приходила сюда после школы и медленно брела вдоль магазинов, внимательно разглядывая выставленные на продажу камни. Сейчас ей было четырнадцать, а заходить сюда она стала с тех пор, как смогла, поднявшись на цыпочки, рассматривать витрины. Девочку интересовали не только камни, но и те, кто покупал драгоценности. Часто она задумывалась, почему они сделали именно такой выбор.

Сейчас Пет прокладывала дорогу сквозь группу хасидов в широкополых черных шляпах. Эти ортодоксальные евреи заправляли почти всеми делами на Улице. Они улыбались, кивали девочке и даже прерывали разговоры, чтобы приветливо поздороваться с ней.

Но иногда Пет провожали и оценивающие взгляды. Пока еще она была немного угловатой и костлявой, одни руки и ноги. Но мужчины, казалось, догадывались, что со временем Петра А'пнеке д'Анжели станет необыкновенной красавицей.

Большие лазурно-голубые глаза она унаследовала от бабушки, которую никогда не знала. Темные локоны обрамляли лицо цвета слоновой кости.

– Твои руки созданы для бриллиантов, – всегда говорил ее дед. О, как она надеялась, что он прав!

В это апрельское утро Петра засунула руки в карманы шерстяной курточки. В любой другой день она бы остановилась поболтать с мистером Хиршем, купила бы хот-дог у Мэнни на углу или заглянула в «Готам-Бук-Март», чтобы спросить пожилую леди по имени Фрэнсис, что ей следует прочитать. Но не сегодня. Сегодня у Пет поручение – тайное и опасное. Если она справится, за ним последуют другие. Она дала себе клятву не бояться. Хуже всего – это испугаться.

Пет остановилась перед невзрачным зданием и огляделась, желая убедиться, что вокруг нет никого подозрительного и за ней никто не следит. На девятом этаже, за дверью из матового стекла с надписью «Шапиро и сыновья, торговля алмазами», за столом, защищенным решетками и освещенным жестким флюоресцентным светом, сидел дородный мужчина в белом костюме и черной ермолке.

– Меня послал мистер Зеeman, – тихо сказала Пет. Мужчина поднял глаза и недоверчиво изогнул бровь над ювелирной лупой.

– Ты? Он послал ребенка... девчонку? – Мужчина был явно оскорблен таким неуважением к себе со стороны коллеги.

– Я не ребенок! – Пет тряхнула головой, отчего ее волосы рассыпались по плечам.

Мистер Шапиро внимательно оглядел девочку. Из-за лупы Пет казалось, что он разглядывает ее под микроскопом. Потом Шапиро поднял телефонную трубку и набрал номер.

– Ты послал ее? – удивленно спросил он и нахмурился. – Гарантируешь? – И со вздохом добавил: – На свою голову.

Шапиро повернулся на стуле, открыл сейф, достал один из ящичков, быстро отобрал четыре белых пакетика, которые торговцы алмазами уже много лет делали из сложенного в пять раз листа белой бумаги, высыпал из каждого светлые неограниченные камешки, пересчитал их, положил назад, сделал пометки в книге и через решетку протянул пакетики Пет.

– Ты знаешь, что эти камешки стоят больше пятидесяти ты...

– Знаю, – нетерпеливо отрезала она. – Не волнуйтесь. – Пет положила пакетики в глубокий карман своей курточки.

– Не волнуйтесь! – пробормотал Шапиро. Вернувшись к работе, он поправил лупу и низко склонился над алмазом.

Выйдя на улицу, Пет внимательно оглядела лица прохожих и пошла прочь с горделивой улыбкой.

– Привет, милашка, – окликнули ее. Она оглянулась и увидела незнакомого парня постарше ее. Он нагло разглядывал девочку. – У тебя есть что мне предложить?

Глаза Пет расширились от ужаса, а сердце учащенно забилося, но тут она поняла, что парень просто пристает к ней. Пока это случалось с Пет еще не часто. Она быстро пробежала мимо, услышав, как парень засмеялся. «Он бы не смеялся, – подумала она, – если бы знал об алмазах в кармане куртки». Пет положила руку в карман и зажала пакетики в кулаке.

Боясь, она все же понимала, что куда безопаснее нести алмазы в кармане школьной курточки, чем идти в сопровождении вооруженного охранника. Юный возраст и пол делали ее необычным курьером, однако на Улице люди почти каждый день носили с собой небольшие состояния. Алмазный бизнес основывался на доверии, рукопожатиях и устных договоренностях.

Через пять минут Пет открыла дверь другого кабинета, очень похожего на комнату мистера Шапиро. На двери была табличка: «Джозеф Зеeman, огранка и полировка драгоценных камней».

– Ну как, Пети, – спросил старик, взглянув на нее. – Тебе было страшно?

– Не-а, – ответила она деду, голландцу с седой головой и круглым розовым рембрандтовским лицом. Невысокий, но ладно скроенный, Джозеф Зеeman казался уверенным в себе и напоминал крепкую, хоть и неуклюжую голландскую мебель. – Если кому и было страшно, – усмехнулась Пет, – так это мистеру Шапиро. Он наверняка позвонит, чтобы проверить, добралась ли я до дома.

– Шапиро – старая баба.

– Баба с бородой, – засмеялась Пет. Вытащив четыре белых пакетика и вся сияя от гордости, она протянула их дедушке.

– Хорошо сработала, лапочка, – похвалил он девочку. Этот ребенок, это чудо по имени Петра было светом жизни Джозефа Зеemана.

– Чем занимаешься, дедуля? – Она наклонилась над столом.

Не успел он ответить, как зазвонил телефон.

– Да-да, она уже здесь, Яков. – Зеeman подмигнул Пет. – Правда, ей пришлось отбиваться от диких ковбоев и индейцев, чтобы доставить камни.

– Только индейцев, дед, – с улыбкой уточнила девочка, когда он повесил трубку. – В Америке нет ковбоев.

– О да, – вздохнул он. – Ты обязательно расскажешь мне об Америке, а я научу тебя всему, что знаю сам. – Дед притянул ее к себе. – Ты спрашивала, над чем я работаю. Взгляни. Заказ Ван Димана,

Он протянул ей ювелирную лупу. Девочка уверенно вставила ее в глаз, как делала это не раз.

– Ух ты! Какой грязный алмаз! По всей поверхности включения ильменита, и даже пятно графита вот здесь.

Джозеф радостно улыбнулся.

– Как бы ты огранила его?

Она задумалась, так как старалась никогда не ошибаться.

– Р-2? – предположила она.

– Неплохо. Вообще-то Р-1. С Р-2 будет еще грязнее. – Пет огорчилась, а Джозеф засмеялся. – Ван Димана больше интересует размер, а не чистота. Его покупателей не смущает, если камень мутный, как Амстердам в декабре. Они хотят купить самый крупный камень.

– Значит, они глупы, – заметила девочка. Джозеф отложил камень.

– Что ты думаешь об этом?

Он взял пинцетом другой маленький бриллиант. Пет снова вставила лупу.

Джозеф тренировал ее таким образом уже несколько лет, развивая способности девочки и тренируя глаз. С тех пор как Пет исполнилось шесть, он посвятил ее в тайны огранки алмазов. Джозеф придумывал все новые и новые сказки про алмазы, и девочка слушала его затаив дыхание.

Однажды десятилетняя Пет пришла домой с пригоршней стручков рожкового дерева, которые набрала в парке. Дед объяснил, что слово «карат», стандартная единица веса драгоценных камней, произошло от арабского названия этого дерева – qirat. Семена рожкового дерева, тяжелые и плотные, арабы использовали как гири при взвешивании камней. Пет тогда целый день очищала бобы и взвешивала их на ювелирных весах. Каждое семечко весило ровно 200 миллиграммов, и она смеялась от радости.

Позднее дед сообщил ей точные формулы, разработанные в 1919 году Марселем Толковски, математиком и инженером из Антверпена. Он объяснил, что правильные углы и соотношения между гранями позволяют добиться максимальной яркости – «это означает количество света, который отражает камень, когда ты смотришь на него».

Пет оказалась одаренной ученицей, с безупречным вкусом и хорошим глазомером.

Сейчас она внимательно изучала маленький алмаз, вглядывалась в его глубины, пытаясь мысленно проникнуть внутрь, в пещеру с алмазными стенами, и обнаружить тайны, скрытые там.

– Чудесно! – наконец сказала Пет и уверенно добавила: – Качество VS, могу спорить.

– Точно! – с гордостью воскликнул Джозеф. – Ты становишься опытнее, дорогая. Хотя нужны многие годы, чтобы научиться безошибочно определять алмазы.

– Но ты уже давно меня учишь.

– Верно, но тебе еще многое предстоит узнать. – Джозеф взял алмаз и положил его в пакетик.

– А я когда-нибудь научусь этому, дедуля? Смогу ли я быть самой лучшей? Prima?

Он с восхищением посмотрел на нее.

– О, моя дорогая, ты уже prima. Пет рассмеялась.

– Только для тебя. Но я хочу научиться всему.

– Так и будет, Пети. Gcduld.

Пет слегка нахмурилась. Ей не нравилось, что голландское слово, означающее терпение, звучало как английское «стань старой». Она не понимала, почему ей придется состариться, чтобы выучиться всему.

Джозеф снисходительно улыбнулся. Просить подростка терпеть – все равно что пытаться предотвратить прилив, но его внучка лучше всех. Алмазы, рубины, изумруды составляют такую же часть ее мира, как хот-доги, дискотеки и Шон Коннери в роли агента 007. Для девочки в камнях больше волшебства и тайны, чем в развлечениях сверстников. Да, она слушала «Битлз», иногда напевая «Желтую подводную лодку», но ей всегда нравилось разглядыва-

вать фотографии знаменитых драгоценностей, а не рок-звезд, которыми увлекались девушки ее возраста.

– Посмотри, как я полирую эти камешки. – Джозеф установил чугунный полировальный круг, покрыл его смесью алмазной пыли и оливкового масла, единственным абразивом, способным воздействовать на самые твердые камни, и взялся за первый алмаз.

Пет наблюдала за ним как зачарованная.

Когда за дочерью заехал Стефано д'Анжели, она все еще следила за работой дедушки. Стефано казалось, что Петра загипнотизирована волшебным сверканием алмаза. Его дочь назвали в честь его матери, которую он знал так мало, но так сильно любил. Появление на свет дочери было единственным событием в его жизни, в необходимости которого он не сомневался. Он страстно любил Пет и иногда думал, что только она поддерживает в нем желание жить. Но мертвые камни не должны разрушить ее жизнь, как это произошло с ним самим, погубленным блеском драгоценностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.